

Ольга Бруснигина

Проклятие
Элизабет

Когда вернётся последний корабль

Ольга Бруснигина
Проклятие Элизабет.
Когда вернется последний
корабль. Книга 1

<https://litres.ru/74614279>

SelfPub; 2026

Аннотация

После гибели в море капитана Грегори его жена Каролина и дочь Элизабет остаются без дома и средств к существованию. В отчаянной надежде найти Грегори они пускаются в путь. Скитания приводят к лагерю разбойников: там, среди чужих и жёстких людей, они учатся выживать и держаться друг за друга. Но даже среди разбойников им не удаётся скрыться Блэквуда, воспылавшего страстью к Каролине. Им удаётся ускользнуть и добраться до портового города. Чтобы прокормиться, Каролина устраивается разделывать рыбу. Каролину обвиняют в колдовстве и сжигают на костре. Потерянная Бетти попадает в приёмную семью, где ей приходится принять предложение замужества за властного землевладельца, чьё имя вызывает у людей страх. В этот момент в доме появляется случайный гость. В спешке он теряет амулет в котором заключён свет. Когда Элизабет получает его,

перед ней открывается портал в другую страну. Не раздумывая, она шагает в неизвестность.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	59
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ольга Бруснигина

Проклятие Элизабет.

Когда вернется последний корабль. Книга 1

Глава 1

Внизу, в особняке, что-то с грохотом обрушилось. Тяжёлые половицы жалобно закрипели под торопливыми шагами, а в воздухе разнёсся низкий, властный мужской бас.

— Папа вернулся! — радостно воскликнула малышка Бетти, и её сердце забилось быстрее.

Она ловко соскочила с высокой кровати с балдахином, украшенным кружевами, и, не раздумывая, бросилась к двери. Лёгкая, как весенний ветер, она помчалась вниз по широкой винтовой лестнице, ведущей в просторную, залитую утренним светом гостиную.

Ночная рубашка из тонкого батиста путалась у неё в ногах, но Бетти, стремительно летела по ступеням. Однако, едва достигнув последней площадки, она резко замерла, словно наткнувшись на невидимую стену. Радость в её глазах сменилась тревогой.

В их доме было много чужих господ. Они заполнили собой всё пространство, нарушив привычный покой. Но среди них не было отца.

Посреди комнаты стоял усатый джентльмен в строгом камзоле. Он заметно нервничал: то и дело поправлял свой шейный платок и бросал быстрые, настороженные взгляды на худошавого мужчину, который бесцеремонно расположился в любимом папином кресле. Этот господин держал в руке пачку документов и размахивал ею с видом скупающего аристократа, обмахивающегося веером.

Ещё двое хмурых незнакомцев методично обходили дом. Они бесцеремонно открывали дверцы шкафов, разглядывали содержимое полок, перебирали изящные фарфоровые статуэтки, старинные фолианты в кожаных переплётах.

— Леди Каролина, — обратился тощий господин к хозяйке дома, которая застыла у высокого стрельчатого окна, словно мраморная статуя. Его голос был холоден и лишён эмоций. — Это ваша дочь? Прелестное дитя!

— Мама! — воскликнула Бетти, и её звонкий голос эхом отразился от высоких потолков. — Кто эти люди? И что им надо?

По интонации незнакомца, по его хищному взгляду и деловитому тону она безошибочно догадалась: этот утренний визит сулил одни лишь неприятности.

— Ты проснулась, милая? — голос матери прозвучал строго и сдержанно. — Немедленно поднимись к себе,

оденься и причешись. Неприлично принимать гостей в таком виде. Ты же воспитанная леди!

— Не злись, матушка! Я думала, что папа вернулся... — разочарованию Бетти не было предела. На её глаза навернулись слёзы обиды и горечи.

— Он обязательно вернётся. Совсем скоро... — с глубоким, почти пророческим смыслом ответила мама. Она подошла к дочери и заботливо укутала её плечи мягким шерстяным пледом.

— Вы же знаете, что это не так, — вмешался тощий господин. Его тонкие губы искривились в подобии улыбки. — Ваш супруг бесследно исчез. И, как я уже неоднократно объяснял вам и вашей семье, вам нечем платить за содержание этого особняка.

— Да, это так, но никто на свете не сможет отобрать его у нас! — с внезапной твёрдостью в голосе возразила леди Каролина. Её спина выпрямилась, а в глазах вспыхнул огонь. — Это родовой дом моего мужа. В нём до нас жило целых три поколения его славного рода. Грегор вырос здесь... Его строил его пра-пра...

— Даже если и так, — перебил её чиновник, небрежно бросая документы на старинный столик, — совсем скоро вы покинете его. Согласно закону, дом и всё имущество будут официально описаны независимой комиссией, оценены по минимальной стоимости и тут же распроданы с аукциона для погашения долгов. Или весь этот особняк целиком пойдёт с

молотка.

Леди Каролина побледнела ещё сильнее.

— Ваши доводы нелепы! — её голос зазвенел от негодования. Она шагнула вперёд, сжимая кулаки под складками платья. — Где это видано, чтобы располагая лишь пустыми слухами и непроверенными донесениями о кораблекрушении, можно было официально признать человека погибшим? Где ваши доказательства? Где тело моего мужа?

— Предположим, что он жив. Но что это меняет? — в голосе тощего господина прозвучала нотка усталого раздражения. — Банк и так проявил невиданное великодушие, предоставив вашему супругу отсрочку по платежам. Но, как известно, деньги любят счёт, а он заключил договор и не исполнил его в срок.

Каролина заметно побледнела, её изящная рука, лежавшая на перилах лестницы, дрогнула. Она даже чуть пошатнулась, словно земля уходила у неё из-под ног, и была вынуждена крепче ухватиться за резное дерево, чтобы сохранить равновесие.

— Мой муж жив, здоров и скоро вернётся домой, — её голос, хоть и дрожал, звучал с уверенностью. — Его репутация всегда была безупречна, не мне напоминать вам об этом. Все счета будут оплачены немедленно, как только он переступит порог этого дома. Я настаиваю на этом.

Тощий господин поморщился, словно от зубной боли. Видно было, что этот разговор тяготил его, и он мечтал лишь

о том, чтобы поскорее разделаться с этими неприятными обязанностями и покинуть этот дом скорби.

— Одной репутации мало, нужны гарантии, — сухо возразил он, постукивая кончиками пальцев по подлокотнику кресла. — Со времени, когда экспедиция вашего мужа должна была вернуться, минуло уже три долгих месяца. Банк терпит по воле вашей семьи значительные издержки. В любом случае, без кораблей и груза, ваш супруг стал нищим.

— Грегор и раньше опаздывал к возвращению, — с жаром возразила Каролина, её глаза сверкнули. — Вы же знаете, как непредсказуемо море, особенно в это время года, в сезон проливных дождей и свирепых штормов. Дайте нам ещё немного времени! Прошу вас!

— О нет, дорогая! — тон мужчины стал почти издевательским. — Опытный капитан, каким являлся ваш супруг, прекрасно знал, что выходить в море опасно. И всё же он собрал корабли, нашёл таких же отчаянных смельчаков и отправил их на верную смерть. Как ни прискорбно это звучит для ваших ушей, но оба судна затонули ещё в прошлом месяце. Обломки вынесло к берегу. Мы получили официальный документ о гибели обоих кораблей. Команда и ваш муж покоятся на морском дне.

— Не смейте говорить так при ребёнке! — воскликнула мама, резко обернувшись и вспомнив о присутствии дочери. Её лицо исказилось от боли и гнева. — Бетти! Сейчас же отправляйся в свою комнату!

— Ах, оставьте эти сантименты! — отмахнулся тощий господин с холодной усмешкой. — Девочка уже достаточно взрослая. Пусть знает правду и будет избавлена от излишних иллюзий и болезненных объяснений в будущем.

— У вас совсем нет сердца! — тихо произнесла хозяйка дома и закрыла лицо руками, не в силах сдержать глухой всхлип.

— Напротив, оно у меня есть. Именно поэтому я позволю вам забрать часть личных вещей и одежды, а не пущу вас по миру в чём мать родила.

Тощий господин медленно поднялся с кресла, выпрямился во весь свой немалый рост и расправил плечи, словно демонстрируя свою власть над их судьбами.

— Ровно через неделю вы должны покинуть этот дом. Он пойдёт с молотка на аукционе, но даже этой суммы будет катастрофически мало, чтобы покрыть все наши расходы. Ваш муж заложил абсолютно всё, что у вас есть.

— Ложь! Не мог он так поступить! — голос Каролины сорвался на крик. В нём смешались отчаяние и последняя надежда. — Он слишком дорожит нашей семьёй, своей единственной дочерью! Он не мог оставить нас в таком бедственном положении!

— Ещё как мог, дорогая моя. Мужчины, увы, до самой старости сохраняют страсть к авантюрам и приключениям. Его так манили морские дали и призрачное богатство далёких земель, что он подписал документы, не особенно вчиты-

ваясь в условия мелким шрифтом. Дом, всё имущество, ваши драгоценности, лошади...

— Не верю! — воскликнула хозяйка дома, прижимая руку к груди.

— Позвольте ознакомить вас с бумагами? Тут полный перечень всего, что он заложил. Мне зачитать?

— Не стоит... — Каролина отвернулась к окну, скрывая бегущую по щеке слезу. Её плечи поникли под тяжестью обрушившейся на неё правды. — Он вернётся, поверьте. И выплатит вам всё до последнего медяка с процентами. Нужно лишь немного подождать.

— Увы, ожидание затянулось сверх всякой меры. Советую вам выдержать месячный траур по безвременно погибшему супругу, рассчитаться с долгами и начать жизнь с чистого листа.

— Почему вы так жестоки? Что за изощрённая пытка? Вы же видите наше отчаяние! Неужели в вас нет ни капли сострадания?

— Я просто выполняю свой долг, только и всего, — произнёс тощий господин, и в его бесцветных глазах на мгновение промелькнуло что-то похожее на усталость. — Поверьте, за свою жизнь я видел много слёз, но оставался к ним безучастен не потому, что у меня нет жалости.

— Так почему же? — с искренним удивлением спросила Каролина, и её пальцы невольно сжались в замок.

— Во всём должен быть порядок. Законы должны соблю-

даться неукоснительно, иначе в мире воцарится хаос. Нужно жить не чувствами, а здравым рассудком. Эмоции — удел слабых.

— И вы мне станете говорить про рассудок? — горько усмехнулась она, и в её голосе зазвенел металл. — Никто не видел тела моего мужа. Значит, есть шанс, что он спасся. Это вы пользуетесь слухами, а не фактами.

— Вы хватаетесь за соломинку, дорогая, — снисходительно заметил чиновник. — Вы хороши собой, молоды. Постарайтесь извлечь из этого выгоду. Могу порекомендовать вам весьма выгодную партию. Помнится, у меня в приятелях есть один почтенный вдовец с двумя сыновьями. Он ищет хозяйку в свой дом.

— Партию? Вы в своём уме? Как вы посмели? Вы негодай! — воскликнула Каролина, и её щёки вспыхнули.

— В вас говорит отчаяние, — спокойно парировал он. — Оттого я не стану держать на вас обиду и снесу это оскорбление.

— Ах, если бы я была мужчиной! — в бессильной ярости сжала кулачки несчастная женщина.

— Вы бы вступили в бой со стариком? — с ироничной усмешкой поинтересовался тощий.

— Должна же я как-то защитить себя и свою дочь! — голос Каролины сорвался на шёпот.

— Лучше смириться. Примите свою судьбу. Отчаяние сменится надеждой. Жизнь продолжается, идут дни, часы...

Рядом с вами может оказаться надёжный спутник. Может, не такой молодой и красивый, как ваш супруг. А ваша малышка...

— Оставьте мою дочь в покое! — перебила его Каролина, и её глаза сверкнули опасным огнём. — Она невинное создание.

Тощий будто не слышал её слов и продолжал свои наставления:

— Господь не даст вашему чаду погибнуть от голода и холода. Сёстры милосердия при храме могут позаботиться о ней. Там есть замечательная школа для девочек-сирот. Возможно, вашей дочери повезёт больше остальных, и её получится пристроить в приёмную семью или она попадёт в услужение в богатый дом... Клянусь честью, я лично позабочусь о том, чтобы ваше дитя не было отослано на воспитание в крестьянскую семью, где дети свой кусок хлеба отрабатывают спиной. Думаю, её маленькие ручки не приспособлены для грязной работы.

У Каролины лицо вытянулось от удивления и злости:

— Сирот?! Да как у вас язык повернулся?! У Бетти есть я!

— Я устал от вашего общества, — признался тощий господин, демонстративно поправляя манжеты. — Мой помощник завтра вновь навестит вас, составит подробный перечень имущества, и уже к концу месяца у вашего дома будет новый владелец. А вы пока подумайте над моими словами, иначе ваша участь будет незавидна.

— Я не позволю! — воскликнула Каролина, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Хм, не позволите? — усмехнулся тощий, и его тонкие губы искривились в презрительной гримасе. — А что вы можете сделать? Ударите меня? Или быть может, превратитесь в преступницу и ночью сожжёте банк? Тогда ко всем остальным несчастьям вы сядете в тюрьму, точно сделав свою преступную дочурку сиротой?

— Я отправлюсь на поиски Грегора! — решительно заявила Каролина, гордо вскинув подбородок. Её глаза засияли отчаянной решимостью. — Если корабли и вправду затонули, ему удалось выжить. Он отличный пловец и опытный моряк! Есть вероятность, что он застрял на необитаемом острове где-то посреди моря и ждёт, когда за ним придёт помощь.

— Так случается только в книжных романах для впечатлительных барышень, дорогая. Но мы взрослые люди и верить в сказки нам не пристало. Искать его — пустая трата времени: это длинная дорога в никуда. Вы не моряк, понятия не имеете куда идти и с чего начинать поиски. Вы одиноки в своей беде, и мне вас искренне жаль.

Тощий господин сухо кашлянул в кулак. Он вынул из кипы бумаг один-единственный свёрнутый вдвое лист плотной гербовой бумаги и протянул его Каролине.

— Я вручаю вам уведомление — официальное, с подписью и печатью банка. Когда завтра придут описывать имуще-

ство, всё, что указал ваш супруг в договоре залога, должно остаться на месте.

Каролина стояла посреди гостиной как каменное изваяние. В её руке дрожал злополучный лист бумаги — приговор их привычной жизни. Она медленно перевела взгляд на дочь.

Бетти всё это время стояла на лестнице, прижав ладонь к губам. В её огромных глазах стояли слёзы ужаса и непонимания. Она слышала каждое слово этого страшного человека.

Мать и дочь встретились взглядами. В этот миг они поняли друг друга без слов: привычный мир рухнул, впереди их ждала неизвестность, полная опасностей и унижений. Каролина медленно приблизилась и крепко обняла дочь.

— Не бойся, родная. Мы справимся. Я клянусь тебе всем святым: я найду отца или узнаю правду о его судьбе. Мы не будем сиротами. Её голос звучал тихо, в нём больше не было слёз — лишь решимость женщины, которую загнали в угол.

Круто повернувшись на каблуках, тощий господин проследовал к выходу, и его высокая, худощавая фигура отбросила на стену длинную, зловещую тень.

— Идемте, — сухо скомандовал он своим помощникам, не оборачиваясь. — На сегодня довольно! Завтра вернёмся и продолжим. Надеюсь, всё пройдёт гладко, не то что сегодня. У меня разыгралась жуткая мигрень, а капли я, как назло, забыл дома.

Предварительно оценивая дом, банковский служащий

был глубоко разочарован. Старый, но добротный особняк был лишён того кричащего блеска и показной роскоши, на которые он рассчитывал. Здесь не хватало сияния изысканных люстр, отражающегося в лаковых панелях дорогой мебели, мягкого шороха персидских ковров и холодного мерцания хрустальных бокалов. Не было ничего, что безошибочно указывало бы на высокий статус и несметное богатство хозяев. Убранство было выполнено со вкусом, но как-то слишком... бедно. «Как же так? — недоумевал он про себя. — Капитан, избороздивший все известные моря, привозивший горы дорогих колониальных товаров и славившийся своим богатством, жил скромнее простого счетовода из городской конторы».

Будто угадав его мысли, подал голос усатый джентльмен в клетчатом камзоле. Он семенил следом, стараясь не отставать от начальника:

— Я полагал, — осмелился высказать он своё мнение, нервно теребя пуговицу на рукаве, — здесь мы увидим имущество, которое сможет покрыть хотя бы проценты по долгу. А теперь... Вернуть бы своё! Что вы думаете?

Тощий лишь брезгливо отмахнулся от него рукой, словно от назойливой мухи:

— Выставим на торги. Желающие и конкуренты найдутся. Старинные дома нынче в моде. А этот — с такой историей и к тому же продающийся впервые за века? Многим захочется разгадать тайну родового проклятия.

— Проклятия? — не понял усатый джентльмен, споткнувшись на ровном месте.

— Именно, дорогой мой друг! — Тощий остановился на пороге и снисходительно усмехнулся. — Будучи частым гостем подобных особняков, я слышал много любопытных историй. Допустим, здесь много лет назад дочь хозяев вознамерилась выйти замуж по любви за красивого юношу из бедной семьи.

— Но здесь в семьях всегда рождались сыновья! — возразил джентльмен.

— Это знает узкий круг людей. Проявите фантазию, с которой дом обретёт совсем другую цену. Так вот, эта самая юная леди была насильно выдана замуж за пожилого, но очень богатого господина. В первую же брачную ночь она выпрыгнула из окна спальни второго этажа и разбилась насмерть. С тех пор её призрак не покидает этого дома и является по ночам. В своём прозрачном образе юная красавица летает по комнатам и пугает всех особей мужского пола, к коим имеет особую ненависть.

Тощий со всей силы дёрнул массивную ручку входной двери и распахнул её настежь, впуская в дом порыв холодного ветра. Он пропустил всех своих помощников вперёд, словно пастух, гонящий стадо.

— Прощайте, любезная Каролина! — бросил он через плечо, даже не удостоив хозяйку дома взглядом. Голос его был холоден как лёд. — Честь имею.

— Да не имеете вы никакой чести! — тут же откликнулась она с неожиданной силой в голосе.

Тощий вышел за порог и с грохотом захлопнул тяжёлую дубовую дверь, словно ставя жирную точку в их разговоре.

Только тогда Каролина позволила себе дать волю чувствам. Она медленно сползла по стене на пол, обхватив колени руками. Тихонечко плача и утирая слёзы кружевным платком, она продолжала шептать, словно молитву или заклинание: «Он вернётся... Вернётся... Я точно знаю. Сердцем чувствую».

Она была так глубоко погружена в свои переживания, так отчаянно цеплялась за последнюю надежду, что не замечала маленькой фигурки дочери. Бетти стояла в нескольких шагах от неё, прижав кулачки к груди. В её глазах стояли слёзы ужаса и непонимания. Она слышала каждое слово страшного человека о сиротском приюте и призраках. Девочка страдала не меньше матери, но сейчас она видела перед собой лишь её спину и слышала лишь её тихий плач, чувствуя себя ещё более одинокой в этом огромном, ставшем вдруг чужим доме.

Бетти долго терпела, боясь вставить хоть словечко в разговор с отвратительным тощим стариком. Мама не забывала повторять: «Когда говорят взрослые, нельзя встревать, нужно слушать». А Бетти была очень воспитанной девочкой и старалась во всём походить на свою прекрасную, но теперь такую печальную маму.

Но чаша её терпения переполнилась. Страх, обида и непо-

нимание требовали выхода.

— Мам, правда, что папа утонул? — выпалила она, потеряв остатки терпения. Её голосок дрогнул и сорвался на шёпот.

Каролина словно очнулась от тяжёлого, вязкого сна. Она поднялась на ноги, поправила платье, в её глазах, ещё мокрых от слёз, промелькнуло изумление, смешанное с болью. Она принялась мысленно ругать себя за слабость.

— Что ты, детка? Что за вздор! — воскликнула она и улыбнулась. — Я так сожалею, что тебе пришлось выслушать эту страшную и лживую историю. Папа жив, он обязательно вернётся к нам. Я чувствую это всем сердцем.

— Но этот злой человек сказал... — не унималась Бетти, и по её щекам снова покатались крупные слёзы.

— Не нужно ему верить, родная. Господам из банка нужны лишь деньги, которые Грегор брал у них на снаряжение своей экспедиции. Они хотят лишить нас дома, только чтобы набить свои бездонные карманы. Для них чужое горе — лишь повод для наживы.

— Но нам некуда идти! — голос девочки сорвался на отчаянный крик. — Не можем же мы жить на улице, пока ждём возвращения папочки?

Бетти захныкала, вытирая кулачками мокрые глаза. В её детском воображении тут же возникла ужасная картина: они с мамой идут по лесной тропе, вокруг воют голодные волки, дует холодный, пронизывающий до костей ветер, а свер-

ху льёт ледяной дождь. Они голодны, одежда их оборвана и висит лохмотьями, а босые ноги сбиты в кровь о камни.

— Не плачь, дорогая, я что-нибудь придумаю, — Каролина присела на корточки перед дочерью и крепко сжала её маленькие ладошки. Её взгляд стал решительным. — Знаешь нашу тётю Мэри?

— Ту, что гостила у нас прошлой осенью? Конечно, знаю! — фыркнула Бетти. — Но она страшная зануда! Всё время делала мне замечания: одёргивала, когда я бегала за мальчишками. Ещё ей не нравилось, когда я за обедом неправильно пользовалась приборами. Однажды она даже шлёпнула меня по спине, утверждая, что я неряха и меня никто не возьмёт замуж.

Каролина тяжело вздохнула:

— Как ни прискорбно это признавать, но нам придётся пожить у неё какое-то время. И то лишь в том случае, если она смилостивится и согласится нас принять. Если придётся, я стану умолять её на коленях.

— Только не это! — в ужасе воскликнула Бетти. — Мам, неужели у нас нет других родственников?

— Если бы были живы твои дедушка с бабушкой... — голос Каролины дрогнул от горечи воспоминаний. — Но, увы, они давно ушли в мир иной. В их старом поместье живёт мой брат Виктор. Тётушка Мэри — его жена. В их доме всё зависит от её слова, поэтому придётся терпеть и соглашаться со всем. Пусть нам отведут самый маленький уголок для сна

— всё же это будет крыша над головой.

Бетти обиженно надула губки и скрестила ручки на груди.

— Ты же не знаешь! Их сын всё время старается меня ущипнуть или дёрнуть за волосы! Он такой толстый и важный. Знаешь, что он мне говорил, когда они гостили у нас?

— произнесла малышка с недетской серьёзностью.

— Что? — удивилась Каролина, впервые слыша от дочери такие откровения.

— Однажды он сказал мне что, когда вырастет, то женится на настоящей принцессе! Будет ездить на красивой карете с золотыми вензелями на мягких шёлковых подушках. Танцевать на балах при дворе, бывать на премьерах в лучших театрах и опере... А я в это время стану служить у него в доме мойщицей полов!

Мама тяжело вздохнула и прижала дочь к себе:

— Как знать, Бетти? Вчера мы имели всё, о чём только можно мечтать: уютный дом, любящего отца и безмятежное будущее. А сегодня мы — нищие, без гроша в кармане. Нам придётся самим добывать себе пропитание и работать.

— Я не стану служить у них в доме! — голос Бетти звенел от негодования. Она решительно вскинула подбородок и уперла руки в бока, копируя строгую осанку матери, которую та принимала всякий раз, когда собиралась дать отпор целому миру.

Каролина лишь печально улыбнулась уголками губ, глядя на свою дочь. В её глазах цвета грозового неба отражалась

вся тяжесть обрушившихся на их семью невзгод.

— Не станешь, родная моя. Эти испытания лягут на мои плечи. Клянусь всем святым, я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы защитить тебя от этого унижения, — произнесла она.

Бетти опустила руки и с тревогой заглянула в лицо матери.

— А что нам делать сейчас, мама? Ты же... ты ведь не решишь отдать меня в ту ужасную школу для девочек при церкви? Помнишь, мы видели их однажды из окна экипажа?

Лицо Каролины исказилось гримасой отвращения и жалости. Воспоминание было слишком живым и болезненным.

— Как же мне забыть? Конечно, помню, душа моя.

Живая картина тут же возникла из памяти. Это были несчастные создания, заточенные в своих траурных одеяниях. Они походили на маленьких сгорбленных старушек, лишённых права на детство. Бедняжки шли по вымощенному булыжником двору так тихо, словно боялись нарушить покой улицы города Велир. Ни единого звука не слетало с их бледных губ. От них веяло такой безысходной тоской и скорбью, что даже воздух вокруг казался серым.

— Мамочка, пожалуйста, не отдавай меня к ним! — захныкала Бетти, подбегая ближе и обхватывая колени матери руками. Её маленькое сердечко колотилось от страха. — Я умру там от тоски, буду жить в каменных стенах монастыря, словно узница в темнице!

Каролина нежно погладила дочь по золотистым волосам, успокаивая дрожь, сотрясавшую хрупкие плечики.

— Что ты говоришь, сокровище моё? Ни за что на свете. Даже если завтра мне придётся самой просить милостыню у ворот той же церкви, я не позволю этому случиться. У меня есть маленький секрет, — женщина заговорщически понизила голос до шёпота. — Обещай, что никому-никому его не расскажешь.

— Обещаю, — выдохнула Бетти, подражая матери, и торжественно приложила палец к губам.

— Видишь ли, у меня остались кое-какие сбережения. Я откладывала понемногу, монету к монете, пряча их в тайнике. Мы с твоим отцом мечтали завершить работы в саду, разбить новые клумбы с розами, а ещё купить пару породистых лошадей и новую карету, чтобы выезжать в свет.

— Значит, мы спасены? Мы можем остаться дома? — глаза девочки вспыхнули надеждой.

— Нет, к сожалению, радость моя, — вздохнула Каролина, и тень вновь легла на её прекрасное лицо. — Этих денег хватит нам ровно на год. Не больше. Но это даст нам драгоценное время, чтобы отыскать твоего отца. Он должен вернуться. Должен знать, что мы здесь одни.

— Ура! — восторженно воскликнула Бетти, уже представляя себе увлекательное путешествие к далёкому морскому порту, откуда отчаливали папины корабли. Мир за пределами их сада вдруг показался ей огромным полем для приключений.

чений. — Я побегу наверх собирать вещи!

— Беги, но, Бетти... — остановила её мать.

— Что, мам?

— Мы отправимся пешком, поэтому твоя сумка не должна стать тяжёлой ношей. Ты понесёшь её сама, своими силами.

— Разве мы не возьмём слуг? И почему мы должны идти пешком? — удивилась девочка, привыкшая к комфорту. В дороге их всегда сопровождал пожилой Уильям, верный служивший в доме много лет. Он переносил багаж, помогал усаживаться в экипаж и правил лошадьми.

— Лошади больше не наши, и карета тоже. Всё придется отдать, чтобы расплатиться с долгами. А старый, добрый Уилл... Ему нужно будет искать место в другом доме. Я не могу больше платить ему жалование, он не должен страдать из-за нашей беды.

— Но как же, мама? Я не справлюсь, ведь я такая маленькая! Ножки быстро устанут, — губы Бетти предательски задрожали.

— Как бы ты ни просилась, на ручки я тебя не возьму, — строго, но с нежностью сказала Каролина. — Ты дочь капитана дальнего плавания. Твой отец никогда не сдавался под ударами жестоких штормов, всегда шёл вперёд сквозь бури и держал своё слово, чего бы это ему ни стоило, — на этой фразе голос женщины чуть дрогнул, выдавая боль утраты, но она тут же взяла себя в руки. — Именно! Он всегда воз-

вращался. Ко мне... к нам. И сейчас вернётся, я верю всей душой. И ты верь. А ещё обещай мне, что будешь храброй и сильной духом. Пообещай, что не будешь плакать понапрасну, чтобы никто не видел твоих слёз. Никогда не показывай своей слабости, даже самой себе.

— Обещаю, что не буду плакать, — по-взрослому серьёзно ответила Бетти, выправив спину и гордо вскинув голову, совсем как мать. Она ещё раз крепко обняла Каролину и, развернувшись, побежала вверх по лестнице.

Оказавшись в своей комнате, Бетти первым делом бросилась к старому шкафу. Воздух здесь был неподвижен и густо пропитан знакомыми с детства ароматами: запахом сухих розовых лепестков из саше и едва уловимой ноткой воска, которым натерли полы. Девочка бережно сняла с полки свою самую большую драгоценность — фарфоровую куклу с локонами цвета спелой пшеницы и глазами-изумрудами, в глубине которых навсегда застыло выражение тихого удивления. Папа привёз её из далёкого плавания на прошлые именины, когда море ещё было их другом, а не похитителем отцовских кораблей. Кукла была её молчаливым поверенным, безропотным слушателем, который никогда не перебивал и не осуждал.

— Я тебя ни за что не брошу, — прошептала Бетти, прижимая холодное личико игрушки к своей горячей щеке. Она говорила таким тоном, словно обращалась к живому существу, способному понять всю глубину её детской тоски. —

Мы будем долго путешествовать, увидим много чудесного... А потом мы обязательно вернёмся сюда, в эту комнату. Надеюсь, наш игрушечный сервиз останется стоять на месте, на столике у окна, и мы снова будем пить из него чай с земляничным вареньем. Потом, когда всё это закончится...

Из уголка глаза малышки выкатилась одинокая слезинка, но она тут же, вспомнив материнский наказ, яростно запретила себе плакать. Резко мотнув головой, девочка сердито вытерла мокрую дорожку ладошкой, запрещая слабости взять верх над духом дочери капитана.

После этого сурового разговора с самой собой она решительно вытряхнула из шкафа ворох своих любимых платьев из муслина и бархата. Ткани каскадом посыпались на мягкую постель, превращаясь в разноцветную гору. Бетти принялась набивать ими старый кожаный чемодан, брошенный на неубранное покрывало, совершенно забыв о его тяжести и о том, как мало места им отведено для новой жизни.

Тем временем внизу, в гулкой тишине опустевшей гостиной, Каролина металась из угла в угол, словно загнанный зверь. Её изящные пальцы нервно теребили кружево на рукаве, мысли путались, сталкиваясь друг с другом подобно льдинам во время весеннего ледохода. Внезапно её осенило. Решение пришло само, вспыхнув в сознании яркой искрой надежды. Оказавшись в рабочем кабинете мужа, где всё ещё витал его запах, она рванулась к письменному столу.

Резким движением она выдвинула верхний ящик, взяла

чистый лист плотной бумаги и обмакнула перо в чернильницу. Рука дрогнула, выводя первое слово: «Дорогой...». Нет, это было слишком просто, слишком обыденно для того хаоса чувств, что бушевал внутри. Передумав, она судорожно смяла лист и швырнула его в корзину для бумаг. Мысли вертелись в голове бешеным хороводом, но правильные слова, способные передать всю её любовь и отчаяние, куда-то испарились, оставив лишь звенящую пустоту. Наконец, собрав остатки воли в кулак, она решила начать письмо заново, пытаясь найти ту единственную фразу, которая могла бы вернуть ей мужа.

Каролина смотрела на чистый лист бумаги, и её сердце сжималось от боли. Перо в руке казалось неподъёмным грузом. Как написать человеку, чью любовь она когда-то отвергла с холодной учтивостью? Как обратиться к тому, чьё имя долгие годы вызывало у неё лишь чувство неловкости?

Она закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в пальцах. Грегор... Её верный, сильный Грегор пропал. Их дом пуст, их жизнь разрушена. Ради Бетти, ради памяти о том счастье, что у них было, она должна переступить через собственную гордость. Если есть хоть малейший шанс, что этот человек сохранил к ней хотя бы тень прежнего чувства, она обязана им воспользоваться.

Каролина глубоко вздохнула и снова обмакнула перо в чернила. На сей раз рука не дрогнула. Она вывела уверенным, летящим почерком:

«Лорд Эдвард Блэквуд! Я пишу Вам, отбросив в сторону все условности и предрассудки, которые когда-то казались мне важнее искренности. Я знаю, что моё письмо может показаться дерзостью после стольких лет молчания и моего давнего выбора. Но я обращаюсь к Вам не как женщина к мужчине, а как отчаявшаяся мать и жена, взывающая о помощи».

Перо замерло над бумагой. Слова лились сами собой, обнажая душу, которую она так долго прятала под маской светского равнодушия.

«Вы всегда были человеком чести и благородства, милорд. Вы знаете, кем для меня является Грегор. В нём и нашей дочке — вся моя жизнь. Но его корабли не вернулись из последнего плавания. Прошли месяцы мучительного ожидания, но теперь наше положение стало отчаянным. Кредиторы дышат нам в спину, наш дом вот-вот будет потерян, а моя дочь, наша маленькая Элизабет, вынуждена бежать из родного гнезда. Я отправляюсь на его поиски сама, но мои силы ничтожны против безжалостной стихии и бюрократии банкиров».

Она отложила перо, чувствуя, как по щеке катится слеза. Это была последняя, самая трудная часть. Признание собственной слабости.

«Эдвард... я прошу Вас. Если в Вашем сердце осталась хоть капля сострадания ко мне или к памяти нашей дружбы, умоляю, помогите мне. Ваши связи, ваши возможности могут стать тем ключом, который откроет запертые двери.

Я готова принять любую помощь, любой совет. Я знаю, что прошу слишком многого, но у меня не осталось иного выхода. Я хватаюсь за эту тонкую соломинку, потому что утопающий хватается за всё, что держит его на плаву. Помогите мне найти Грегора. Верните моей дочери отца, а нашему дому — хозяина.

С глубочайшим уважением и последней надеждой, Каролина Эшвуд».

Закончив, Каролина несколько мгновений сидела неподвижно, глядя на запечатанный конверт. Теперь оставалось лишь ждать ответа. Сложив письмо, она вызвала единственного оставшегося слугу и велела немедленно доставить послание в особняк лорда Блэквуда, вложив в это поручение всю строгость приказа, чтобы ни минуты промедления не омрачило её мольбу. Затем она поднялась наверх, где слышался грохот падающих вещей — Бетти продолжала свои сборы. Впереди их ждал долгий путь пешком, но впервые за много недель в глазах Каролины зажегся слабый огонёк надежды. Надежда эта была хрупкой, почти призрачной, но сейчас это было единственное, что у них осталось.

Глава 2

Следующим утром, когда робкие лучи солнца лишь начали пробиваться сквозь свинцовую пелену облаков, к воротам обветшалого поместья Эшвудов с глухим стуком подкатил роскошный экипаж. Лакированная дверца распахнулась, и на землю с особой, почти кошачьей грацией спрыгнул подтянутый молодой мужчина в безупречно скроенном костюме из дорогой ткани. Сняв с головы щегольскую шляпу с высокой тульей, он небрежным движением поправил челку иссиня-черных волнистых волос, которые тут же легли идеальной волной. Его пронзительный взгляд холодно скользнул по выцветшему фасаду старинного особняка, а тонкие губы едва заметно искривились в презрительной гримасе. В его глазах читалось молчаливое осуждение: дом выглядел не просто старым, а удручающе бедным, словно забытый всеми.

Он уверенно ступил на скрипучие ступени крыльца и несколько раз ударил бронзовым молотком по двери, ожидая услышать шарканье слуги. Однако дверь отворилась сама, и на пороге возникла хозяйка. При виде гостя в её огромных синих глазах на долю секунды вспыхнула искренняя радость, но она тут же сменилась привычной усталостью.

— Вы пришли... — тихо выдохнула Каролина, и её голос дрогнул, выдавая волнение.

— Сразу же, как только получил ваше отчаянное письмо,

— без промедления ответил Эдвард Блэквуд, и его бархатный баритон заполнил собой тесную прихожую.

Пригласив гостя в небольшую гостиную, Каролина замерла посреди комнаты, нервно сцепив пальцы рук. Она смотрела на него с затаенной надеждой, ища спасения. Эдвард же, напротив, не спешил садиться. Он медленно обошёл помещение, брезгливо касаясь кончиками пальцев полинявших штор и потертой обивки кресел. Весь его вид выражал крайнюю степень недовольства. Если бы стены могли говорить, они бы поведали о былом величии этого дома, но сейчас перед ним предстала лишь картина упадка. И всё же, даже здесь, среди этой ветоши, его бывшая возлюбленная казалась сияющей жемчужиной. Она смотрелась в этом убранстве, наполненном старьем, словно диковинная роза, выросшая посреди зарослей жгучей крапивы.

— Милая моя Каролина, — наконец нарушил он тягостное молчание, сделав шаг ей навстречу и властно, но бережно взяв её за руку. — Из вашего послания я понял, что случилась беда. Грегор — замечательный человек, я не стану это отрицать. Я принял ваш выбор тогда лишь потому, что не видел смысла бороться с соперником за вашу любовь. Вы были полностью поглощены своим чувством и были совершенно слепы к моим ухаживаниям. Тот год стал для меня тяжелым испытанием, и шрамы на моем сердце останутся со мной навсегда.

— Я понимаю, Эдвард, — произнесла Каролина ровным

голосом, словно констатируя факт. — Тогда мои чувства были взаимны, и я была счастлива.

— Но я всегда считал, что на первом месте у вашего мужа будут работа, бесконечные путешествия, а семья — лишь потом. Разве я не предупреждал вас об этом? Помните наш разговор?

— Помню каждое слово, — кивнула она. — Но Грегор всегда находил время, чтобы проявить заботу. А наша вынужденная разлука стала лишь доказательством нашей сердечной привязанности. Мы невыносимо скучали друг по другу, и каждая новая встреча возносила нас до небес.

— И чем обернулась для вас эта ваша возвышенная любовь? — криво усмехнулся Эдвард, отходя к окну. Он сделал вид, что заинтересованно изучает запущенный сад, хотя на самом деле его душило приятное чувство собственного превосходства и маленькой победы. — Ваш неразумный муж погиб, оставив вас одну с малюткой-дочерью на руках и горой непосильных проблем. Его торговые корабли вместе с дорогим товаром покоятся на морском дне. Поверьте, я наводил справки. Сумма долга поражает воображение. Этот дом, — он обвел рукой комнату, — вы уже потеряли в любом случае.

Каролина побледнела как полотно. Ей хотелось крикнуть, что тело Грегора так и не нашли, что надежда ещё жива, но спорить было бессмысленно. Чтобы спасти дочь и сохранить крышу над головой, ей нужно было просить помощи у этого

мужчины. Она опустила глаза, покорно слушая его жестокий монолог.

— Посмотрите вокруг, Каролина! — с внезапным пылом воскликнул он, снова оказавшись рядом. — Во что превратилась ваша жизнь? Это платье давно вышло из моды, руки огрубели и потрескались от воды, ведь вы вынуждены выполнять работу прислуги. Обувь стоптана до дыр. То же самое представляет собой и весь этот дом: выцветшие шторы, потертая мебель. На всем лежит печать долгой нужды и частого использования.

Каролина тяжело вздохнула и опустила голову ещё ниже, пряча набежавшие слезы.

— Я полюбила этот дом. Всё здесь близкое и родное... все деньги мы вкладывали в развитие, в покупку снаряжения и ремонта кораблей. Совсем скоро мы должны были скопиться капитал...

— Это лишь попытка оправдать своего мужа, который плохо о вас заботился, — отрезал Эдвард. — Вот если бы вы тогда сделали иной выбор...

Каролина прекрасно поняла, куда он клонит, но невероятным усилием воли заставила себя сдержаться.

— У вас еще есть шанс исправить плачевное положение вашей семьи, — его тон вновь стал деловым и холодным. — Я мог бы поручиться за ваши долги перед кредиторами. Готов немедленно оплатить большую их часть. Но при одном условии.

— Каком же? — спросила Каролина. Зная Эдварда как человека воспитанного и благородного, он не мог предположить ничего непристойного.

— Вы станете моей, — резко бросил Блэквуд, впиваясь в неё взглядом. — Я ждал этого все эти годы, надеялся, и вот, наконец, вознагражден за свое терпение. Мои чувства ничуть не остыли. Я по-прежнему холост.

— Но это невозможно! — воскликнула Каролина, и румянец стыда залил её бледные щеки, — я позвала вас, чтобы вы помогли мне отыскать Грегора или хотя бы получить отсрочку по долговым обязательствам, пока он не вернется обратно.

— Выбор за вами, дорогая моя, — жестко заключил он. — Иного предложения не будет. У вас есть время до заката. Если вы готовы принять меня как своего мужчину и покровителя, я буду ждать вас у себя.

Не дожидаясь ответа, Эдвард сухо раскланялся и быстро покинул дом Эшвудов, оставив после себя лишь запах дорогого одеколона и звенящую тишину.

Каролина застыла посреди гостиной, словно каменное изваяние. Шок сковал её тело. Теперь на её хрупких плечах лежала ответственность не только за свою судьбу, но и за будущее дочери. Сердце разрывалось от боли и унижения, но разум твердил одно: другого выхода нет. Ради ребенка она должна пойти на эту сделку.

Дождавшись условленного часа, когда солнце начало кло-

ниться к горизонту, окрашивая небо в багровые тона, Каролина решила действовать. Словно готовясь к собственной казни, она выбрала единственное новое платье тёмно-синего бархата, которое подчеркивало цвет её глаз. Украшением послужили лишь драгоценные серьги с изумрудами — единственная память о матери. Волосы она уложила в строгую, но элегантную прическу. Взглянув на своё отражение в мутном зеркале, она увидела женщину, полную отчаяния. Поправив складки платья, она последний раз обвела взглядом родные стены и, высоко подняв подбородок, вышла из дома, направляясь к карете, которая должна была увезти её в пугающую неизвестность.

Возвышаясь над спящим садом, словно застывший во времени каменный исполин, особняк Блэквуда подавлял своим величием. Его строгие готические шпили пронзали ночное небо, а сотни окон, темных и безмолвных, напоминали пустые глазницы древнего чудовища.

Каролина на миг замерла у кованых ворот, чувствуя, как сердце отбивает частый, тревожный ритм. Воздух здесь пах сыростью, мокрым камнем и свежими розами из старого сада. Чтобы немного успокоить бешено колотящееся сердце, она подошла к фонтану — его мраморная чаша была полна черной воды, в которой отражался тусклый свет луны. Сделав глубокий вдох, Каролина расправила плечи и ступила на широкую дорожку, выложенную гладким, отполированным камнем.

Память услужливо подбросила картины прошлого. Прежде ей уже доводилось бывать под этими сводами, но тогда всё было иначе. Тогда она была юной, дерзкой красавицей с горящими глазами, чья жизнь казалась бесконечным балом. В те времена этот дом гудел от смеха и музыки; в огромном мраморном зале, где хрустальные люстры рассыпали тысячи искр по блестящему паркету, она кружилась в танце, купаясь в восхищенных взглядах восторженных кавалеров. Теперь же тишина давила на уши, а каждый шаг эхом отдавался в пустынном дворе.

Робко, почти неслышно, она постучала тяжелым бронзовым молотком в дверь. Долгие секунды ожидания тянулись мучительно долго, пока наконец створка не распахнулась. На пороге возник важный лакей в безупречной ливрее. Он окинул её бесстрастным взглядом и сухо произнес:

— Милости прошу, леди Каролина. Господин Эдвард ожидает вас в кабинете.

Каролина неприятно удивилась осведомленности прислуги. Холодок пробежал по спине: выходит, о её тайном визите знали заранее? Это рушило все планы, лишая её единственного преимущества — внезапности. Сглотнув ком в горле, она последовала за молчаливым провожатым по гулкому коридору.

Её бывший воздыхатель, хозяин этого роскошного особняка, вальяжно расположился в глубоком кожаном кресле за массивным рабочим столом красного дерева. Но стоило го-

стье переступить порог кабинета, как вся его напускная лень испарилась. Он тут же вскочил на ноги, стремительно обогнул стол и приблизился к ней. На его бледном лице, обычно хранившем выражение холодной сдержанности, теперь сияла совершенно искренняя, счастливая улыбка.

— Каролина! — выдохнул он, и в этом простом слове прозвучало столько неподдельной страсти, что она невольно отступила на полшага назад. — У меня нет слов, чтобы выразить всю свою радость. Вы все-таки здесь... это самая большая награда за всю мою жизнь. Клянусь честью, вы не пожалеете об этом решении. Я стану для вас не просто человеком, который будет решать все проблемы, но и единственным любимым и желанным мужчиной, которому сможете довериться целиком и полностью.

Он сделал ещё один шаг навстречу, протягивая руку, и в его глазах вспыхнул опасный, собственнический огонь. Каролина замерла, разрываемая между страхом и отчаянной надеждой на спасение.

— Я полагаюсь на вас, милорд, и буду безмерно благодарна, если вы не оставите меня в беде. Я всего лишь слабая женщина, оставшаяся без защиты, поддержки. Я одинока в своём безграничном горе, — тихо, почти шепотом произнесла она, и её голос дрогнул, выдавая внутреннюю борьбу.

Эдвард, услышав её мольбу, грациозно поправил волосы. Он неторопливо пересек кабинет, его шаги были беззвучны на толстом персидском ковре. Резким, но элегантным дви-

жением он распахнул дверцу массивного шкафа, за которой скрывался целый арсенал напитков. Выбрав бутылку из темного, почти черного стекла и два хрустальных бокала на тонких ножках, он вернулся к столу. Наполнив их густой, рубиновой жидкостью наполовину, он с легким звоном поставил один перед гостьей.

— Этот тост я хочу поднять за нас, — провозгласил он, и его голос, низкий и бархатный, заполнил пространство комнаты. — За наше счастливое будущее.

Каролина лишь слегка пригубила напиток. Она не была сторонницей того состояния, когда от вина кружится голова и путаются мысли, лишая воли и ясности рассудка. Ей нужна была холодная голова для этого тяжелого разговора.

— О нет, дорогая. Всё до дна, — властно произнес Эдвард, заметив её нерешительность. Он не просил — он требовал. — Вы так напряжены, будто я ваш мучитель или палач. Но я же не принуждаю вас ни к чему. Вы добровольно вошли в мой дом и согласились быть со мной.

— Всё так, — выдохнула она, покорно осушая бокал до последней капли. Терпкая сладость обожгла горло. — Но мне страшно. И одновременно я считаю свой поступок... подлым по отношению к мужу.

Эдвард остановился прямо перед ней. Он нависал над Каролиной, подавляя своей аурой власти и богатства.

— Уже завтра я оплачу все ваши долги. Ваша семья будет спасена от позора и разорения. Стоит ли жалеть о том, что

случится между нами? — его пальцы коснулись её подбородка, заставляя поднять взгляд. — Вы не жертва, Каролина. Вы — женщина, которая желанна мне как никакая другая. Ради одной лишь ночи в ваших объятиях я готов заплатить любую цену, какую потребуется.

Его слова были подобны яду: сладкие на слух, но отравляющие душу. Он говорил о сделке так буднично, словно речь шла о покупке породистой лошади или редкой картины. В его серых глазах не было ни капли жалости, лишь холодный расчет собственника. Каролина почувствовала, как по щеке скатилась непрошенная слеза. Она пришла сюда ради спасения семьи, но цена этого спасения казалась ей теперь непомерно высокой — она продавала не тело, а осколки своей души.

Внезапно за окном раздался оглушительный раскат грома, от которого задрожали стекла в свинцовых рамах. Начавшаяся гроза словно вторила буре, бушевавшей в её сердце. Эдвард воспринял это как знак: он резко притянул её к себе, его губы жадно впились в её шею.

— Не плачь, моя прекрасная Каролина. Я сделаю эту ночь... незабываемой для нас обоих.

Не дав ей опомниться, Эдвард с неожиданной для его статной фигуры легкостью подхватил её на руки. Каролина лишь тихо ахнула, почувствовав себя невесомой в его стальных объятиях. Он проследовал по темному коридору к соседней двери, ведущей в святая святых этого дома. Толкнув

створку носком сапога, он внес свою драгоценную ношу в господскую спальню.

Комнату заливал тусклый свет камина и десятка свечей, расставленных по углам. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным терпким ароматом дорогого воска, сухих трав и чего-то еще — первобытного, мужского. Аккуратно, словно укладывая бесценную фарфоровую куклу, он опустил Каролину на широкую роскошную постель. Шелковое покрывало цвета слоновой кости холодило кожу сквозь тонкий шелк платья. Сам хозяин особняка тут же разместился рядом, не оставляя ей ни единого шанса на отступление.

Его глаза, обычно холодные и расчетливые, теперь горели опасным, хищным огнем. Они жадно пожирали возделенное тело, скользя по каждому изгибу, скрытому под слоями ткани. Одним ловким, уверенным движением Эдвард освободил её волосы от шпилек, и они тут же рассыпались тяжелой золотой волной по плечам и подушкам, окружив лицо сияющим ореолом. Он накрутил длинный локон на палец, любуясь игрой света в медовых прядях, затем притянул его к своему лицу и глубоко вдохнул.

— Ах... Этот чудесный аромат, — прошептал он хрипло, прикрывая веки. — Всегда мечтал ощутить на пальцах шелк твоих волос, их мягкость и тяжесть.

Эдвард больше не мог сдерживаться. С глухим рычанием он запустил обе руки в эту золотую реку, зарываясь пальцами и властно, до легкой боли, оттянул голову Каролины

назад, заставляя её выгнуться дугой. В этом жесте не было нежности — лишь абсолютное обладание. Еще секунда, и он впился нетерпеливыми, требовательными губами в её губы, подавляя любое возможное сопротивление, клеймя её своим поцелуем как завоеванную территорию.

Каролина застыла, парализованная этим напором. Её разум кричал об опасности, о предательстве, но тело, измученное долгими месяцами страха и нужды, вдруг отозвалось странным, пугающим трепетом. Когда его рука властно легла на её талию, притягивая ближе, она почувствовала жар, исходящий от него даже через одежду. Поцелуй становился всё глубже, лишая воздуха, а его пальцы уже торопливо расправлялись со шнуровкой корсажа, спеша добраться до обнаженной кожи...

Внезапно резкий порыв ветра распахнул окно, которое кто-то оставил приоткрытым. Свечи мигнули, погрузив комнату в пляшущий полумрак, и вместе с прохладным воздухом ворвался запах мокрой листвы. Этот холодный глоток реальности отрезвил Каролину. Она уперлась ладонями в грудь Эдварда, собрав последние остатки воли, и резко отвернула голову, разрывая объятия.

— Нет! Постойте... Милорд, прошу вас, остановитесь! — выдохнула она, пытаясь вырваться из его хватки. Паника придала ей сил. — Я... я не могу так сразу. Это слишком... дайте мне время привыкнуть!

Эдвард замер. Тяжело дыша, он медленно разжал пальцы,

выпуская её волосы. Его взгляд затуманился, в нем боролись животная страсть и привычка держать всё под контролем. Медленно, очень медленно он отстранился, опираясь на локоть и нависая над ней грозовой тучей. На его красиво очерченных губах играла опасная улыбка.

— Привыкнуть? — переспросил он низким голосом, от которого по спине пробежали мурашки. В полумраке комнаты глаза Эдварда Блэквуда сверкали опасным янтарным блеском.

— Что ж, моя строптивая красавица, будь по-вашему, — медленно произнёс он, — Я дам вам это время. Но знайте: каждая секунда вашего промедления будет стоить дороже предыдущей. Мое терпение не безгранично, Каролина. А желание обладать вами... оно сжигает меня изнутри, превращая в пепел остатки моей воли. Помните, почему вы здесь!

— Я помню, милорд, и стараюсь изо всех сил, — выдохнула она. — Но какой-то невидимый барьер мешает мне принять неизбежное. Я никогда прежде не поступала столь опрометчиво, продавая себя за долги, и чувствую себя...

— Загнанной в угол, — с мрачным удовлетворением продолжил лорд Блэквуд, сокращая дистанцию между ними до опасного минимума. Его ладонь легла на её талию, обжигая даже через корсет. — Не волнуйтесь, дорогая, меня устраивает и такое положение вещей. Мне плевать на ваши чувства и страхи. Неважно, каким способом, но сегодня я получу то, что мне положено по праву. Я заслужил эту ночь долгими

месяцами ожиданий, страданий и той сердечной муки, которые испытал по вашей вине. Вы задолжали мне, Каролина.

Эдвард и не думал отступать. На мгновение он замер, словно давая ей последнюю призрачную надежду на спасение, а затем резко, без предупреждения, тесно заключил девушку в стальные объятия. Он властно накрыл её губы своими, подавляя любой намёк на сопротивление грубой, требовательной силой.

Каролина больше не боролась. Её тело обмякло в его руках, решив, что покорность станет ей наградой. Она убеждала себя, что нужно лишь перетерпеть, пережить этот неприятный акт соединения с нелюбимым мужчиной, и тогда всё закончится. Он насытится, оставит её в покое, получив своё. Зато она получит освобождение от долговой тюрьмы, сможет сохранить свой дом — тот самый особняк, который она с таким трудом отвоевывала у кредиторов ради дочери. После этого кошмара она забудет всё, что случилось в этой комнате. Вычеркнет из памяти прикосновения этих рук, сотрёт вкус этих губ и продолжит жить дальше.

Но Эдвард, почувствовав её капитуляцию, лишь распался ещё сильнее. С неимоверной, почти животной злостью он расправлялся с застёжками на её платье. Ткань затрещала под напором, когда он, наконец, сорвал с неё верхнюю юбку. Она осталась перед ним в одной полупрозрачной сорочке, чувствуя себя уязвимой. Сам он избавился от одежды с пугающей быстротой, явив взгляду Каролины совершенство

своего мускулистого тела.

После этого он не спешил. Растягивая удовольствие, упиваясь своей властью, Эдвард покрывал поцелуями её шею, плечи, ключицы, требуя взаимности. Он шептал какие-то нежные слова, пытаясь растопить лёд её отчуждения, но Каролина оставалась глуха к этим попыткам. Она лишь терпела, позволяя ему делать всё, что заблагорассудится, и потому была холодна как лёд.

Наконец, доведённый до иступления её равнодушием, он не выдержал. Резко отстранившись, Эдвард навис над ней, опираясь руками о стену по обе стороны от её головы. В его глазах бушевало пламя ярости и неудовлетворённого желания.

— Проклятье! — прорычал он, и звук его голоса эхом отразился от стен спальни. — Ты ведёшь себя как бревно! Как ледяная статуя! Если ты думаешь, что твоё холодное презрение способно меня остановить, ты жестоко ошибаешься. Моя страсть подобна пожару, и если ты не дашь ему пищи, он сожжёт нас обоих дотла. Так ответь же мне, Каролина, или эта ночь превратится для тебя в настоящий ад.

— Я не могу справиться со стеснением, и вся эта ситуация словно парализовала меня, — пропищала Каролина, её голос сорвался на жалкий шёпот, а глаза наполнились слезами бессилия.

— Ничего, я помогу тебе, — пообещал Блэквуд. Его лицо оставалось пугающе спокойным, лишённым всякого сочув-

ствия. Он не повысил голос, но в его тоне звенела сталь. — Я помогу тебе забыть о своих глупых страхах.

И прежде чем она успела осознать его намерение, он резко, хлётко ударил её по щеке.

От неожиданности и жгучей боли Каролина вскрикнула. Звук оборвался так же резко, как и начался, сменившись звенящей тишиной. Она инстинктивно отшатнулась, прижав ладонь к пылающей щеке. Пальцы ощутили жар удара и влагу — из разбитой губы, о которую он задел перстнем, сочилась кровь. Мир на мгновение поплыл перед глазами, а в ушах стоял гул.

Блэквуд не дал ей опомниться. Он схватил её за запястье, с силой отрывая руку от лица, и рывком притянул к себе. Его хватка была болезненной, почти до синяков.

— Никогда больше не смей называть это «ситуацией», — прошипел он ей в самое ухо, обжигая кожу горячим дыханием. Его голос дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Это сделка. Твоя расплата. И ты будешь выполнять её условия с должным почтением, или я найду куда более... неприятные способы научить тебя покорности.

Он сжал её подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза. В его взгляде не было ни капли нежности — лишь тёмное, первобытное торжество хищника, загнавшего свою жертву в угол.

— А теперь, — продолжил он почти ласково, но эта ласка была страшнее любого крика, — ты перестанешь изображать

из себя испуганную монашку. Ты будешь смотреть на меня. Ты будешь отвечать на мои поцелуи. И ты будешь стонать подо мной так громко, чтобы каждый в этом доме знал, кому ты принадлежишь этой ночью.

Он впился в её губы с новой, сокрушительной яростью, в которой не осталось и тени былой нежности. Это был уже не поцелуй, а жестокое, безжалостное утверждение права собственности, клеймо, которое он ставил на её теле и душе. В этот миг что-то глубоко внутри Каролины надломилось с тихим, почти неслышным звоном. Лёд её оцепенения, сковавший сердце с того самого момента, как она переступила порог этого проклятого дома, треснул, уступая место чему-то иному — дикому, удушающему коктейлю из унижения, острой, физической боли и странного, унижительного трепета перед этой грубой, подавляющей силой. Она задыхалась, чувствуя, как его пальцы до боли сжимают её плечи.

Собрав остатки воли, она что есть силы оттолкнула Эдварда. Мир перед глазами на мгновение поплыл, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Спрыгнув с высокой постели на холодный пол, она подхватила смятое платье, прижимая его к груди как последний щит.

— Я передумала! — дерзко воскликнула она, и её голос эхом отразился от стен спальни, в которой ещё мгновение назад царила лишь тишина.

Блэквуд медленно повернулся. На его красивом, но искажённом яростью лице застыла маска ледяного презрения и

абсолютного превосходства. Он смотрел на неё так, словно перед ним была не гордая женщина, а надоевшая игрушка.

— Ах так! — его голос был подобен скрежету металла. — Тогда я возьму всё сам. А ты можешь сколько угодно кричать, звать на помощь. Твои вопли лишь раззадорят меня.

Он не дал ей времени на ответ. Резко поднявшись во весь свой исполинский рост, он в два шага преодолел разделявшее их расстояние и с размаху ударил её по щеке. Оглушительная пощёчина обожгла кожу. Каролина не смогла устоять на ногах; пол стремительно бросился ей навстречу, и она повалилась навзничь, больно ударившись локтем.

Но она была не из тех слабых женщин, которые покорно принимают свою участь. Боль лишь разожгла в ней пламя гнева. Она поднялась с пола одним рывком, пошатнулась, но устояла. И прежде чем он успел опомниться, её ладонь со звоном обрушилась на его щёку.

— Вы забываетесь, милорд! — её голос дрожал от ярости и обиды. — Да, я пришла сюда и была готова лечь с вами, принести себя в жертву ради спасения своей семьи! Но сейчас я поняла... Поняла, что, потеряв свою честь, я не смогу жить дальше. Я не смогу смотреть дочери в глаза! И что мне делать, если мой муж всё же вернётся домой? Что я скажу ему?

Но Блэквуд не слышал её речей. Её слова разбивались о глухую стену его похоти и гнева. Он издал глухой рык и одним движением повалил её обратно на пол, придавив своим

тяжёлым телом так, что из лёгких вышибло весь воздух.

Каролина забилась под ним, как пойманная в силки птица, царапая его руки и пытаясь сбросить с себя эту невыносимую тяжесть. Паника ледяными когтями впилась в сердце. Она понимала: ещё мгновение — и всё будет кончено. Её жизнь, её будущее, её душа будут безвозвратно растоптаны здесь, на этом холодном паркете.

Собрав последние силы, она извернулась и впилась зубами в его предплечье с такой яростью, на которую только была способна.

— А-а-а! Проклятье! — взревел Блэквуд от неожиданной боли и инстинктивно отпрянул.

Этой доли секунды Каролине хватило с лихвой. Извернувшись ужом, она выскользнула из-под него и вскочила на ноги, словно её подбросила невидимая пружина. Не оглядываясь, не тратя ни единого вздоха на слова или мольбы, она бросилась к двери и принялась дёргать за ледяную бронзовую ручку.

Но дверь была заперта. Каролина оказалась в ловушке, в золотой клетке его спальни.

— Тебе не убежать, — расхохотался Блэквуд, и этот смех был страшнее любого крика.

Злодей медленно поднялся с пола. Он больше не спешил, наслаждаясь своей властью. Подойдя к ней со спины, он тесно прижал её к себе, лишая возможности пошевелиться. Его горячее дыхание обожгло ей шею, заставив содрогнуться от

отвращения.

— Не упрямясь, дорогая, — прошептал он, и его голос вибрировал от едва сдерживаемого желания. — Я же почувствовал, как ты откликнулась на мои ласки. Пусть твой разум кричит «нет», но тело не обманешь. Возвращайся в постель. Покажи мне, за что так сильно любил тебя твой муж.

Его руки скользнули по её талии. Отчаяние придало Каролине сил. Она резко ударила его затылком в подбородок и вырвалась из захвата, отступив к центру комнаты. Её трясло, но взгляд оставался твёрдым.

— Никогда! — выдохнула она. — Лучше смерть!

Блэквуд лишь криво усмехнулся, вытирая кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони. Эта вспышка сопротивления лишь распалила его ещё сильнее. Он сделал шаг вперёд, затем другой, загоняя её в угол.

— Что ж, если ты выбираешь такой путь... — прорычал он.

Дальнейшее превратилось для Каролины в кошмарный, смазанный сон. Сопротивление было сломлено грубой силой. Эдвард повалил её на кровать, и мир сузился до боли, унижения и запаха чужого мужчины. Это длилось вечно. Когда всё закончилось, Каролина лежала неподвижно, глядя пустыми глазами в бархатный полог балдахина. Внутри неё всё умерло. Осталась лишь звенящая пустота и чувство невыносимой грязи.

Утро следующего дня не принесло облегчения. Солнце

равнодушно заглядывало в высокие окна, освещая комнату, ставшую её тюрьмой. Дверь оставалась запертой. Еду приносила молчаливая служанка, которая тут же уходила, оставляя поднос на столике у входа. Каролина металась по комнате, как дикий зверь, но выхода не было. Окна были наглухо закрыты, а высота второго этажа казалась непреодолимой пропастью.

Дни сливались в одно серое пятно. Эдвард приходил каждую ночь. Иногда он пытался говорить о любви, иногда брал её молча, с холодной яростью собственника, утверждая своё право. Но однажды, после очередного визита, когда он ушёл, оставив её лежать в темноте, внутри Каролины что-то щёлкнуло. Слезы высохли. Их место заняла холодная, расчётливая решимость. Она должна выжить. Должна вернуться домой, к дочери.

Она начала готовиться. Ночами, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре, она методично рвала простыни на длинные полосы. Делала она это тихо, зубами и ногтями, чтобы никто не услышал треска ткани. Она прятала связки под матрасом, ожидая подходящего момента.

Он явился через два дня, и от него разило вином. Эдвард был пьян той развязной, шумной веселостью, что свойственна людям без совести. Он хвастался своими карточными победами над соседями-аристократами, но больше всего его пьянило осознание собственной власти. Его главной, самой сладкой победой была сломленная, как он полагал, женщи-

на, запертая в золоченой клетке его спальни.

— Дорогая Каролина, — обратился он к ней с издевательской учтивостью, останавливаясь в дверях и покачиваясь на нетвердых ногах. В руке он держал бокал с рубиновой жидкостью. — Я навел справки по твоим долгам. Весьма внушительная сумма. Но я уже внес задаток кредиторам. Так что теперь имею ещё большее законное право требовать от тебя полной взаимности. Ты передо мной в неоплатном долгу.

Каролина ничего не ответила. Она сидела в кресле у погасшего камина, похожая на бледную тень, завернувшись в шаль так плотно, словно пыталась спрятаться от его взгляда. Любое слово могло спровоцировать у этого жестокого мужчины новую вспышку неконтролируемой ярости, а сил для борьбы почти не осталось. Поэтому она лишь молча опустила веки, когда он, пошатываясь, направился к постели.

Его ласки были грубыми и торопливыми. В пьяном состоянии Блэквуд утратил свою хищную грацию и звериную силу, превратившись в неуклюжего, сопящего самца. Возня на шелковых простынях закончилась едва начавшись, оставив после себя лишь пустоту и глухое отвращение. Когда всё было кончено, он откатился в сторону, даже не взглянув на неё.

Уходя, Блэквуд, чрезвычайно довольный собой, остановился на пороге и бросил через плечо:

— Ты так мила сегодня... и впредь будь сговорчивее. Поверь, я умею быть благодарным. А пока посиди здесь еще немного. Это пойдет на пользу твоей покладистости.

Слово «пока» повисло в воздухе, словно лезвие гильотины. Что-то внутри Каролины оборвалось. Страх за дочь оказался сильнее страха перед ним.

— Сколько? — её голос прозвучал тихо, но твердо, заставив его обернуться. — Сколько мне ещё сидеть здесь? А как же моя дочь? Моя маленькая Бетти! Она одна в доме. Наверняка, потеряла меня, плачет, зовет маму... Вы об этом подумали?

Лицо Эдварда исказилось от досады. Веселье мигом слетело с него.

— Твоя дочь — это твоя забота, а не моя, — отрезал он, и в его глазах блеснул опасный огонек. — И если ты надеешься разжалобить меня слезами о ребенке, то выбрала неверную тактику. Запомни: здесь твои правила больше не действуют. Теперь есть только мои желания. Считай это платой за гостеприимство.

Он вышел, громко хлопнув дверью, и дважды повернул ключ в замке. Щелчок замка прозвучал как приговор. Каролина осталась одна в звенящей тишине комнаты. Слезы брызнули из глаз, но это были уже другие слезы — горячие, жгучие слезы бессильной ярости. Мысль о том, что её девочка там совсем одна, голодная и испуганная, выжигала изнутри последние остатки покорности.

Она медленно поднялась с кровати. Её движения, обычно плавные и осторожные, стали резкими, порывистыми. Она надела свое платье, заколола волосы шпильками. С сожалением

нием посмотрела на туфли, стоящие возле кровати, в которых спускаться по простыне она бы не смогла. Подойдя к окну, она прижалась лбом к холодному стеклу, глядя вниз, на мощный двор. Высоко. Очень высоко. Но другого пути нет. Дочь ждала её.

Каролина действовала быстро и бесшумно, словно призрак. Она вытащила самодельную веревку, привязала один конец к массивному изголовью кровати, которое казалось намертво прикрученным к полу. Затем, собрав всю волю в кулак, она схватила тяжелый бронзовый подсвечник со стола и со всей силы ударила им по оконному стеклу. Звон осколков показался оглушительным, но отступить было поздно. Отбросив подсвечник, она принялась яростно сбивать торчащие острые зубья из рамы.

Не давая себе времени на сомнения, Каролина перекинула связанные простыни через подоконник и начала спуск. Руки горели от грубых узлов, ноги скользили по стене. Последние метры она пролетела, больно ударившись коленями о землю, но тут же поднялась и побежала прочь от проклятого особняка.

Не чувствуя боли в разбитых коленях, она бежала вслепую, через сад, спотыкаясь о корни старых деревьев, продираясь сквозь заросли кустарника к пролому в ограде, который заметила, когда пришла сюда. Через несколько минут, исцарапанная, с растрепанными волосами и в разорванном платье, она вырвалась на дорогу. Впереди, мерцали огоньки.

Её дом был там. И ради того, чтобы снова обнять свою дочь, она была готова преодолеть любые преграды.

Рассвет застал её на родной улице, окрасив небо в холодные тона увядающей сирени. Дом стоял тёмным и безмолвным, словно забытый всеми склеп, но это был её дом — единственное место во всём мире, где ещё могла теплиться надежда. Каждый шаг по знакомой мостовой давался ценой невероятных усилий. Ноги, израненные о камни и корни деревьев во время побега, горели огнём, а лёгкие разрывались от судорожного дыхания.

Шатаясь от усталости, почти беспамятства, она толкнула знакомую калитку. Та поддалась со ржавым стоном, прозвучавшим устрашающе в утренней тишине. Двор встретил её той же гнетущей, мёртвой тишиной. Ни лая верного пса, ни скрипа ставен на окнах — ничего, что могло бы нарушить эту неподвижность.

Собрав жалкие остатки сил, которые таяли с каждой секундой, Каролина взбежала на крыльцо. Подъём показался ей восхождением на эшафот. Но дверь была заперта. Тяжёлый замок молчаливо свидетельствовал о том, что внутри никого нет.

Она рухнула на колени перед дверью, царапая холодное дерево обломанными ногтями в отчаянной попытке попасть внутрь. Ей нужно было найти убежище, укрыться от кошмара последних дней, забыться в спасительном мраке родных стен, вдохнуть запах дома и убедить себя, что весь этот ужас

остался позади.

Она принялась колотить по ней окровавленными кулаками, пока боль не стала невыносимой.

— Бетти! — хриплый крик вырвался из пересохшего горла, — Кто-нибудь! Слуги!

Она звала дочь, выкрикивала имена нянюшки и дворецкого, умоляла откликнуться. Но в ответ была лишь одна лишь тишина. Она обволокла её со всех сторон, заглушая крики и сводя с ума. Этот дом, который должен был стать её крепостью, оказался такой же пустой клеткой, как и покои Блэквуда. Он лишил её всего: чести, воли, а теперь и последнего пристанища. Обессилев окончательно, Каролина сползла на холодный порог и, свернувшись калачиком, закрыла глаза и провалилась в забытье.

Звук приближающегося экипажа заставил её встрепенуться. Каролина с трудом приподняла голову, щурясь от бьющего в лицо солнца. К дому подъехала чёрная карета, запряжённая парой вороных жеребцов. На дверце красовался герб, который она узнала бы из тысячи. Прибыл тот самый «коршун», чтобы добить её окончательно.

Дверца распахнулась, и из темноты экипажа на свет ступила высокая тощая фигура. Мужчина был одет во всё чёрное, его плащ развевался на ветру подобно крыльям хищной птицы. Лица его Каролина не видела — оно оставалось в тени широкополой шляпы. Исходящая от него аура власти и опасности была почти осязаемой.

Служащий банка остановился в нескольких шагах от неё, медленно, с нарочитой неспешностью снял тонкие кожаные перчатки. Из дорогого портфеля он достал увесистую папку с документами. Его взгляд, острый и пронзительный, скользнул по её разорванному платью, исцарапанным рукам и лицу, на котором, вероятно, не осталось живого места.

— Миледи выглядит так, будто повстречалась с самим дьяволом, — произнёс он ровным, бесцветным голосом.

Он сделал ещё один шаг вперёд, выходя из спасительной тени, и солнечный свет упал на его лицо, высекая резкие, словно высеченные из камня черты и пронзительные, холодные глаза. Каролина инстинктивно попыталась отползти назад, упираясь спиной в закрытую дверь своего пустого дома.

— Всё, — начал разговор тощий, чеканя каждое слово, — этот дом больше не принадлежит вам. Я принес вам документы. Можете ознакомиться. Пока вы пропадали неизвестно где, мы провели все необходимые процедуры. Совет утвердил решение выставить его на торги. Аукцион был коротким и скучным. Никто не давал за него той суммы, которая набежала по вашим долгам. Но всё же нашёлся милостивый человек и купил его. С сегодняшнего дня хозяином особняка стал Эдвард Блэквуд. Все вопросы по вашему имуществу теперь решайте с ним. Личные вещи вы не заберёте без его ведома.

Каролина побледнела так сильно, что это стало заметно даже сквозь слой грязи и синяков. Видеться со своим мучи-

телем, возвращаться в его логово она не могла. Это означало бы окончательную гибель.

— А моя дочь? — громко воскликнула Каролина, и в её голосе зазвенел металл отчаяния. — Где она? Верните мне мою девочку...

— Слуги обворовали вас, выгребли все шкафы. Взяли драгоценности и все ценное, что попало им под руку, и быстро сбежали с «тонущего корабля». А ваша милая дочка была никому не нужна. После того как вы скрылись в неизвестном направлении, она сбежала отсюда. Мы хотели отвести её в монастырь, но видимо она так боялась попасть туда, что покинула дом незаметно для нас, — равнодушно бросил служащий. — Сейчас она, видимо, превратилась в бродяжку. Она такая маленькая, беззащитная. Долго на улице она не проживет. Вы бы лучше следили за ней, а не занимались глупостями.

— Глупостями?! — ярость, вспыхнувшая в груди, прида-
ла ей сил. — Это по вашей вине я оказалась на улице, а моя дочь... Моя Бетти!

Каролина вскочила на ноги, забыв о слабости, и замахнулась рукой на этого бездушного старикашку, желая стереть с его лица маску превосходства. Он ловко перехватил её руку за тонкое запястье и до боли вцепился в него своими костлявыми пальцами.

— Не стоит этого делать, — прошипел он, сжимая хватку. — Иначе ко всем вашим бедам добавится обвинение в

нападении, и вы проведете остаток жизни в гораздо менее приятном месте.

— Но мне некуда идти, — воскликнула Каролина, сдерживая рыдания, — позвольте мне побыть в этом доме какое-то время.

— Это не мои проблемы, дорогая. Вы взрослая, самостоятельная женщина. У вас есть родственники. Они не оставят вас. А двери этого дома отныне закрыты для вас. Так, что простите, но тут я бессилен.

Несчастливая леди Эшвуд, содрогнувшись от боли и унижения, резко высвободила руку и пошла прочь от родного порога. Её бледное, измученное лицо залилось горячими, жгучими слезами. Мир вокруг плыл и качался, но она упрямо шла вперёд. Она думала только об одном, и эта мысль билась в висках оглушительным набатом: как отыскать свою малышку. Куда идти? Где искать? Ответов не было, впереди расстилалась лишь бесконечная, пугающая неизвестность.

Глава 3

Каролина брела по узкой улочке, и её шаги эхом отдавались в звенящей тишине. Ещё вчера эти же соседи встречали её поклонами и радушными улыбками, распахивая двери своих уютных домов. Теперь же, стоило ей лишь приблизиться к знакомому порогу, как обитатели торопливо гремели засовами, а сквозь плотные вуали штор за её сломленным силуэтом следили настороженные, полные суеверного страха взгляды. Она не смела стучаться ни в одну из этих дверей, зная, что её беда — это яд, способный отравить жизнь даже самым близким людям. Просить о помощи означало навлечь на них ту же смертельную опасность, от которой она пыталась спастись сама.

Её путь привёл к старой каменной церкви, чьи стрельчатые окна казались тёмными провалами в свинцовое небо. Массивные кованые ворота были наглухо заперты — храм открывался лишь раз в неделю, по воскресеньям, для торжественной службы.

Каролина медленно опустилась на холодную скамью у ворот, и воспоминания нахлынули на неё волной. В памяти всплыли светлые дни: вот они всей семьёй входят под своды храма — она с мужем рука об руку, их маленькая дочь Бетти в нарядном платьице. После службы они возвращались домой, где уже ждал накрытый праздничный стол, ломивший-

ся от яств. Они благодарили небеса за дары, даваемые свыше, и казалось, что так будет вечно. Сейчас же, сидя здесь одна, промокшая до нитки под мелким дождём и не перестававшая беззвучно плакать, Каролина корила судьбу, отобравшую у неё то прекрасное время.

Внезапно сзади, из-за ограды, со стороны густых зарослей дикого шиповника, донёсся тихий женский голос:

— Леди Каролина, прошу вас, не волнуйтесь... И не плачьте...

Каролина вздрогнула всем телом. Страх ледяной рукой сжал сердце.

— Кто здесь? — испуганно вымолвила она, резко обернувшись на звук, готовая увидеть кого угодно.

— Ваша дочь со мной. С ней всё в порядке, — продолжил тот же спокойный голос. И в этот момент сквозь пелену слёз и отчаяния Каролина узнала его. Это была Катерина — верная служанка, которая нянчила Бетти с самого первого дня её рождения.

— Какое счастье! Моя дорогая Катерина! — со всхлипами промолвила Каролина, и надежда, словно хрупкий росток, пробилась сквозь толщу скорби. Не помня себя от радости, она вскочила и бросилась к не приметной калитке в заборе.

Протиснувшись через густую поросль кустарника, царявшего лицо острыми шипами, она оказалась на небольшой поляне. Там стояла её служанка — бледная, но собранная. Однако рядом с ней никого больше не было.

— Катерина, ради всего святого, где Бетти?

Служанка тяжело вздохнула, и этот звук был полон невысказанной усталости. Она сделала шаг навстречу своей госпоже.

— Я укрыла её у своей тётушки. У доброй женщины, чей домик на самой окраине Велира, куда не долетает суeta центральных улиц. Когда в вашем доме началась страшная чехарда, мы действовали быстро. Ваша Бетти... она удивительная девочка, миледи. Очень умненькая и сообразительная для своих лет. Она всё поняла без лишних слов. Мы незаметно собрали самые необходимые вещи, те, что поместились в один саквояж, и выбежали через запасную дверь, пока все были отвлечены шумом и криками. Ваша дочь в безопасности, миледи, но нам нужно спешить, чтобы забрать её отсюда. Оставаться там небезопасно. Ведь если вас примутся искать, то пойдут по всем домам. В первую очередь по слугам, родственникам и знакомым. Уже сейчас у соседей тётушки появились вопросы: «откуда взялась эта девочка?». Их любопытство может стоить вам жизни.

Каролина порывисто схватила служанку за руки, а после крепко обняла, вкладывая всю свою благодарность.

— Ты права, Катерина, — прошептала она. — Я навеки в долгу перед тобой за твою преданность, но сейчас... сейчас у меня нет ничего, чем я могла бы тебя отблагодарить. Всё потеряно. Идём же скорее. Мне не терпится обнять и успокоить мою девочку, убедиться, что это не сон.

Путь до убежища показался бесконечным. Они крались закоулками и скрытыми тропами, избегая взглядов случайных прохожих. Наконец, они добрались до цели: маленького, покосившегося от времени домика, почти полностью скрытого буйной зеленью старого сада. Воздух здесь пах прелой листвой и яблоками.

Там, в глубине сада, под раскидистой яблоней, чьи ветви сгибались под тяжестью незрелых плодов, сидела Бетти. Маленькая фигурка казалась невероятно хрупкой. Девочка с недетской грустью смотрела вниз, как под её босыми ногами резвятся два рыжих котёнка, гоняясь за падающими листьями. Эта картина была такой щемящей и печальной, что у Каролины болезненно сжалось сердце.

Бетти внезапно подняла глаза, словно почувствовав материнский взгляд сквозь толщу листвы. Их взгляды встретились лишь на мгновение, но этого хватило. Лицо девочки озарилось радостью, которая тут же сменилась всепоглощающим восторгом. Она сорвалась с места так стремительно, будто её подбросила невидимая пружина.

— Мама! Mamочка! — громко, во весь голос закричала она, и этот чистый детский крик разнёсся по всему саду.

Девочка подбежала к матери и, не в силах сдержать порыва, крепко-крепко обхватила её колени своими тонкими ручонками, зарываясь лицом в складки мокрого платья. Каролина упала перед ней на колени, её собственные рыдания заглушили тихий плач дочери, а руки сомкнулись вокруг хруп-

кого детского тельца.

— Миледи, — подала голос Катерина. Она сделала шаг вперёд, словно набираясь смелости для признания. — Я осмелилась взять ваши сбережения, хранящиеся в тайной шкатулке, и те фамильные украшения, до которых не успела дотянуться жадная рука оценщиков-грабителей. Они лежат в безопасности, в моей котомке. Я верну их вам, и вы сможете начать жизнь заново, на новом месте, где вас никто не знает.

Каролина подняла заплаканное лицо от макушки дочери. В её глазах, ещё недавно потухших от горя, вспыхнул огонёк робкой надежды.

— Да ты наша спасительница! — выдохнула она, и радость от этой неожиданной удачи теплом разлилась по её израненной душе. Она поднялась на ноги и снова заключила верную Катерину в объятия. После, отойдя немного от новости, она произнесла:

— Спасибо, дорогая моя! Можно я отдохну здесь немного? Приведу себя в порядок, а завтра мы уйдём и больше никогда не станем докучать тебе.

Катерина протестующе замахала руками, и на её лице, обычно сдержанном, отразилась искренняя обида.

— Вы нисколько не затрудняете меня! За эти годы служения я привязалась к вам всей душой. Помните тот день, миледи? — голос служанки дрогнул, наполнившись ностальгической нежностью. — Когда вы поверили мне, приняли в

услужение совершенно незнакомую, юную работницу с огрубевшими от работы руками, пришедшую с самого дна Вели-ра. Тогда я была на седьмом небе от счастья. Вы дали мне не просто дом и работу, вы подарили мне ощущение семьи, которого я была лишена с детства. Вы всегда были добры ко мне, даже когда я была неловка или глупа. Теперь пришла моя очередь отплатить вам добром за добро.

Слова служанки тронули Каролину до глубины души.

— Твоё сердце чисто и благородно, как не у каждой леди при дворе, имеющей благородное происхождение, — прошептала Каролина, глядя ей прямо в глаза. — Но пойми, оставаться здесь опасно. Если меня найдут... они не пощадят никого. Ты должна думать о себе и своей тётушке. Мы переночуем здесь и уйдём на рассвете. А сейчас... позволь мне хоть немного побыть матерью, а не беглянкой.

Она вернулась к дочери и опустилась рядом с ней на траву. Пока Бетти увлечённо показывала маме свои сокровища — гладкий речной камень и найденное воронье перо, — Каролина позволила себе закрыть глаза. Впервые за долгие дни ужас погони отступил, сменившись благословенной тишиной сада. Однако это спокойствие было обманчивым. Её обострённые чувства, натянутые как струна, уловили далёкий, едва различимый шум: мерный цокот копыт по брусчатке главной дороги и скрип колёс тяжёлой кареты. Кто-то приближался. И этот кто-то, без сомнения, искал именно её.

Тревожный звук, доносившийся с главной дороги, обо-

рвался слишком близко, заставив Каролину вздрогнуть всем телом. Сердце забилося в бешеном ритме. Она порывисто вскочила на ноги, и её изящная фигура, ещё мгновение назад полная материнской нежности, превратилась в сгусток инстинкта выживания. Схватив за руку ничего не понимающую дочь, она с силой потянула её за собой.

— Быстрее, милая! — прошептала она, срываясь на бег.

Катерина, мгновенно оценив ситуацию, не стала тратить время на слова. Подобрав юбки, она бесшумной тенью последовала за ними, прикрывая отступление. Они ворвались в маленький, пропахший сушёными травами и яблочным пирогом домик тётушки. Хозяйка мирно дремала в старом кресле-качалке у очага. Её седая голова склонилась на грудь, а из приоткрытого рта вырывалось тихое сопение. Она была очень пожилой женщиной, почти слепой и почти глухой к суетному миру за стенами своего убежища, и даже этот внезапный шум не смог нарушить её безмятежный сон.

Оказавшись внутри, Каролина резко обернулась к служанке. Её глаза горели лихорадочным блеском.

— Катерина, нам нужно бежать. Немедленно! — выдохнула она, вцепившись в руку девушки, — стены этого дома вряд ли выдержат нападение и здесь совсем негде спрятаться.

— Да, миледи. Так будет лучше. Похоже, погоня настигла вас так быстро и так неожиданно... — Катерина с болью посмотрела на свою госпожу. Она понимала, что прощание

будет недолгим.

Каролина подхватила небольшой саквояж. Катерина вложила в её дрожащие ладони увесистый кошель с монетами и бархатный мешочек с драгоценностями — последним осколком былой роскоши. На мгновение женщины замерли посреди скромной комнаты. В этом молчании было больше слов, чем они могли бы сказать друг другу за всю жизнь. Каролина порывисто обняла верную служанку, вдыхая знакомый запах крахмала и ромашки.

— Прощай, моя дорогая подруга. Я никогда этого не забуду.

— Я буду ждать вашего возвращения...

Каролина отстранилась и, крепко сжимая руку дочери, последовала из дома в сгущающиеся сумерки.

Они с Бетти снова вышли за пределы сада и ступили на ту же самую узкую, едва заметную тропу, которая вела к старой церкви. Они шли быстро, почти бежали, стараясь не оглядываться. Но даже издали, сквозь шелест листвы и стрекот сверчков, до них доносился нарастающий шум возле домика, который они только что покинули.

Вечернюю тишину, сотканную из стрекота сверчков и шелеста листвы, разорвал властный, полный безжалостной ярости крик. Он был подобен удару хлыста, заставившему Каролину застыть на месте.

— Бегите! Ищите! — гремел голос Эдварда Блэквуда, и в нём звучала не просто злость, а приговор. — Вы должны

найти их! Переверните здесь всё наизнанку! Каждый камень! Каждый куст! Травите собак по следу, пусть ищут хоть до скончания века!

— Хозяин, — вторил ему другой, более грубый мужской голос, принадлежавший, видимо, начальнику стражи, — мы мигом. Им далеко не уйти. Лес мы оцепим, а на дорогах выставим людей. От нас ещё никто не уходил.

Услышав это, Каролина очнулась от оцепенения. Паника, холодная и липкая, сковала её движения, но материнский инстинкт оказался сильнее. Она схватила дочь за руку и, не разбирая дороги, бросилась вперёд. Они выбежали из тени деревьев на широкую, мощёную булыжником улицу. В этот самый миг из-за поворота вывернул тёмный экипаж, запряжённый парой гнедых лошадей.

— Мама, смотри! — Бетти дёрнула мать за подол. В глазах девочки, ещё недавно полных слёз, зажегся огонёк отчаянной надежды. — Давай остановим его!

Каролина не стала тратить драгоценные секунды на раздумья. Это был их единственный шанс. Она вырвалась из рук дочери и кинулась наперерез экипажу, раскинув руки в стороны в отчаянной попытке преградить путь. В свете тусклого фонаря блеснули её растрепанные волосы и безумный взгляд.

— Тпру-у! Стоять! — испуганно потянул за поводья кучер, натягивая вожжи. Лошади заржали, вставая на дыбы и осаживая назад в нескольких шагах от женщины. Карета с

грохотом остановилась.

— Ты что творишь, сумасшедшая?! — заорал кучер, наклоняясь вниз. Его лицо, освещённое фонарём экипажа, исказилось от гнева и страха. — Жить надоело?! Под копыта лезть?!

Но Каролина уже была у дверцы. Её пальцы вцепились в полированное дерево дверцы.

— Умоляю вас! — её голос срывался на хриплый шёпот. — Вы должны помочь нам! За нами погоня! Если вы меня знаете или просто слышали имя... Я заплачу! У меня есть золото! Только увезите нас отсюда!

Она судорожно сунула руку в саквояж и вытащила на свет тускло блеснувший золотой перстень с крупным сапфиром — один из тех, что спасла Катерина. Драгоценный камень поймал луч света и отбросил на лицо кучера глубокую синюю тень.

В этот самый миг, когда надежда, казалось, готова была угаснуть, из-за спины Каролины донёсся уже не крик, а страшный, многоголосый хор — лай разъярённых псов, спущенных с поводков. Этот захлёбывающийся рык был куда страшнее любого человеческого голоса. Он сливался с мерным, неумолимым топотом тяжёлых кованых сапог по булыжной мостовой. Погоня не просто настигала их — она дышала им в затылок.

Кучер молниеносно выхватил из дрожащих рук Каролины перстень. Он оценил его одним профессиональным взгля-

дом, и в его глазах промелькнуло удивление, смешанное с пониманием того, в какую опасную историю он ввязывается. Но жажда наживы оказалась сильнее.

— Садитесь, скорее! — рявкнул он уже не с гневом, а со странной смесью жалости и страха. Его голос был хриплым от напряжения.

Едва Каролина, подхватив Бетти, втащила её внутрь экипажа и захлопнула за собой дверцу, как мир снаружи взорвался движением. Кучер звучно, с оттяжкой хлыстнул лошадей по лоснящимся крупам. Упряжка ответила мощным ржанием и рванула с места так резко, что Каролину отбросило на мягкое сиденье. Экипаж помчал во всю прыть, грохоча колёсами по неровной мостовой и раскачиваясь из стороны в сторону.

Каролина приникла к маленькому окошку, затянутому мутным стеклом. Издалека всё ещё доносились звуки погони: яростные выкрики и лай собак. Но теперь эти звуки казались не страшными. Они были похожи на шум бури за толстыми стенами надёжного замка. Внутри же кареты было темно и безопасно. Тяжёлый бархат штор скрывал их от посторонних глаз. Каролина крепко обняла дочь, чувствуя, как маленькое сердечко Бетти колотится в такт бешеному стуку копыт. Они были вместе. Они были живы.

Экипаж мчался сквозь ночь, унося их всё дальше от проклятого города. Вскоре стены Велира и огни остались позади. Они въехали в густой лес, и шум погони окончательно

стих, растворившись в величественном безмолвии вековых деревьев.

Монотонная тряска и убаюкивающее покачивание экипажа сделали своё дело. Измученные страхом и долгой дорогой, Каролина и Бетти, прижавшись друг к другу на сиденье, провалились в глубокий, тревожный сон, больше похожий на забытьё.

Их разбудил резкий толчок — экипаж окончательно остановился. Наступившая тишина казалась оглушительной. Первой проснулась Каролина. Сердце её снова сжалось от дурного предчувствия. Она осторожно высунула голову из маленького оконца, прикрываясь плотной шторкой.

Картина, открывшаяся ей, заставила кровь застыть в жилах. Перед мордами храпящих лошадей полукругом стояли люди. Их лица, грубые и заросшие, были искажены зловещими ухмылками в свете пламени факелов, которые они держали в руках. Они что-то громко и радостно обсуждали, но это был не разговор спасителей, а гогот хищников, делящих добычу. И по всей видимости, эти головорезы были прекрасно знакомы с их кучером, который уже успел спешиться и теперь стоял среди них как равный.

— Ты сегодня шустро обернулся, Джед! — раздался хриплый голос одного из бандитов.

— Да уж, удача сама шла мне в руки, и я не замедлил воспользоваться таким шансом, — самодовольно отозвался кучер, которого звали Джед. Он явно упивался своей хитро-

стью. — Со мной сейчас милая дама с дочерью. И, похоже, что они из благородного семейства. Беглянки. Они сами бросились перед лошадьми и умоляли их спасти. За ними гналось человек двадцать, не меньше. Я теперь их спаситель...

— Ой, ли! С каких пор ты заделался в благотворители? Всем вокруг известно, что бесплатно ты ничего не станешь делать.

— Вот посмотри сюда. Давно ли ты видел перстень такой искусной огранки и такой баснословной цены? Я сорвал куш! А эта дама, что внутри, наверняка припрятала ещё...

Каролина отпрянула от окна, прижав ладонь ко рту, чтобы сдержать крик отчаяния. Её затрясло. Спасение оказалось лишь жестокой насмешкой судьбы. Человек, которому она доверилась в минуту слабости, оказался вероломным предателем. Он не бежал от погони. Он просто привёз свою добычу прямоком в логово других волков, возможно, ещё более опасных, чем прислужники Эдварда Блэквуда. Она поняла всё: этот «экипаж» ждал именно таких беглянок. Это была ещё одна ловушка. И по своей наивности, она снова окунулась в кипяток.

Внутри кареты стало невыносимо душно. Воздух словно загустел от страха. Каролина повернулась к дочери. Бетти смотрела на неё широко раскрытыми, полными доверия глазами, ещё не понимая, какая беда настигла их снова. В этот миг в сознании Каролины рухнули последние барьеры. Место испуганной жертвы заняла львица, защищающая своего

детёныша. Если никто в этом жестоком мире не поможет им, значит, она сама станет их щитом. Она должна действовать. Немедленно.

Она толкнула тяжелую дверцу экипажа с решимостью обреченной на смерть. Замыслив снова бежать в чащу леса, куда угодно, лишь бы подальше от этих людей. Но её отчаянный рывок был остановлен в самом начале. Она угодила прямоком в стальные тиски чьих-то сильных мужских рук.

Разбойник, чьё лицо скрывала тень широкополой шляпы, лишь усмехнулся, но в его усмешке не было и тени той животной радости, что кривила лица его подручных. Он не стал заламывать Каролине руки или тащить обратно в карету. Вместо этого он лишь крепче сжал её предплечье, удерживая на месте, и окинул долгим, изучающим взглядом.

— Тише, миледи, — его голос был низким и на удивление спокойным, — Вы только поранитесь. Джед, ты опять за своё? Привёл благородную даму в наш скромный лагерь и хвастаешься её кольцом как ярмарочный зазывала? А ну, сейчас же верни его обратно.

— Это плата за проезд... - попытал возразить кучер-разбойник.

— Отдай, говорю. Мы не грабим слабых и попавших в беду.

Джед, мгновенно сникнув под тяжёлым взглядом главаря, нехотя протянул перстень. Главарь взял его и, не глядя на кучера, вложил украшение в дрожащую ладонь Каролины.

— Это ваше. И я приношу извинения за методы моего... брата. Мы не грабители с большой дороги в привычном для вас понимании. Мы просто забираем то, что несправедливо нажито такими, как ваш преследователь.

Он отпустил её руку так же внезапно, как и схватил. Каролина, всё ещё дрожа, прижала к себе Бетти, которая испуганно жалась к матери. Она последовала за ней из экипажа, боясь что их могут разлучить. Главарь же перевёл взгляд на девочку, и его суровое лицо на мгновение смягчилось.

— А это, должно быть, будущая гроза лесов? — он чуть наклонился к Бетти. — Как тебя зовут?

— Бэтти, — прошептала девочка, — но папа всегда меня называл Элизабетт.

— Что ж, Бэтти, добро пожаловать в семью. У нас тут не дворец, но воздух чище и компания честнее.

Так начался их новый путь. Вопреки всем страхам, жизнь в лесной чаще оказалась не каторгой. Главаря звали Роан. Его движения были точны и грациозны, а в тёмных глазах плясали озорные искры. Он оказался не просто предводителем шайки головорезов, а вожаком, за которым шли по собственному желанию.

Каролина, обладавшая благородным воспитанием и острым умом, быстро училась. Роан лично взялся за её обучение. Дни напролёт он учил её владеть кинжалом — не для нападения, а для защиты себя и дочери. Он показывал, как бесшумно ходить по лесу, как развести костёр под дождём и

как отличить съедобные корни от ядовитых. Бетти же была в восторге от новой жизни: она бегала по лагерю с деревянным мечом, училась стрелять из лука и с замиранием сердца слушала у ночного костра песни разбойников — грубые баллады о свободе и справедливости.

Постепенно страх уходил. Он сменялся странным чувством защищённости. Каролина чувствовала, как в ней просыпается что-то первобытное. Она больше не была беглянкой. Она стала частью стаи. А Роан... она ловила на себе его взгляды всё чаще. В них читалось не просто восхищение её силой, но и глубокая, затаённая нежность. Он видел в ней не даму из высшего света, а равную себе — женщину с несгибаемым стержнем.

Но идиллия не могла длиться вечно. Однажды утром дозорный вернулся в лагерь не с добычей, а с тревожной вестью и скомканным листком бумаги в руке.

— Роан! — крикнул он ещё издалека. — На всех перекрёстках висит этот проклятый листок!

Роан взял листовку и развернул её. Каролина заглянула ему через плечо и похолодела. С грубо отпечатанного листа на неё смотрело её собственное лицо — то самое, что она видела в зеркале ещё во дворце Эдварда Блэквуда. Под портретом шёл текст:

«Разыскивается опасная преступница Каролина и её дочь Элизабет. За любую достоверную информацию о местонахождении указанных лиц или за их поимку живыми назна-

чена награда в пятьсот золотых монет».

В лагере повисла тяжёлая тишина. Пятьсот золотых — это целое состояние. Сумма была способна соблазнить даже самых правильных и совестливых людей. Роан медленно сжал кулак, сминая бумагу. Он посмотрел на Каролину.

— Вот значит как... — процедил Роан сквозь стиснутые зубы, и в его голосе зазвучала такая холодная ярость, что Каролина невольно вздрогнула. Он смял проклятую листовку в кулаке, словно это была шея самого Блэквуда.

— Твой муженёк решил сыграть по-крупному. Теперь мы все в одной лодке. И я не позволю никому из этих лесов, — он обвел тяжёлым, давящим взглядом своих людей, и смех у костров мгновенно стих, — поднять на вас руку.

Каролина подняла на него глаза, полные слез. В них смешались благодарность за его защиту и жгучий стыд за свою слабость.

— Он мне не муж, — тихо, произнесла она, — Этот страшный человек был когда-то безнадежно влюблен в меня, но моё сердце уже принадлежало другому. Я вышла замуж за Грегора. Это был брак по любви... светлый и чистый. А Эдвард... он просто исчез, затаив обиду.

Роан молча слушал, не перебивая, лишь его челюсти играли от едва сдерживаемого гнева.

— А сейчас, — её голос дрогнул, — когда пришло известие о гибели моего мужа в морском плавании... этот стервятник снова появился в моей жизни. Мы были разорены.

Грозились забрать наш родовой особняк за долги его отца. Эдвард предложил помощь. Я была в отчаянии, наивной душой... Я согласилась.

Она замолчала, собираясь с силами, чтобы произнести самое страшное.

— Но это была ловушка. Хитрыми уловками и грубой силой он заставил меня разделить с ним постель. Он решил, что я его собственность, его трофей. И обладать мной, мстить мне за пережитое когда-то унижение... это приносило ему извращенное удовольствие. Он запер меня в комнате на втором этаже своего особняка, повесил на дверь замок, как на псарне. Но я не сдалась. Я разорвала простыни, сплела из них веревку и спустилась из окна. Я бежала через сад, оцарапав все руки... Я продолжаю убегать... но он не сдался. Видимо, он готов на всё, чтобы вернуть меня и продолжить эти пытки...

Последние слова она прошептала едва слышно. В повисшей тишине было слышно лишь, как трещат поленья в костре.

— Вот подлец! — выдохнул Роан, и его глаза полыхнули опасным огнем. — Пусть только попробует сунуться сюда! Мы все вместе устроим ему такую встречу, что он пожалеет, что вообще родился на свет! Я лично спущу с него шкуру!

Он резко развернулся к притихшему лагерю. Его высокая фигура отбрасывала на землю длинную тень. Он снова обвел взглядом своих людей — тех самых разбойников, что ещё

вчера под звон кружек пели песни о свободе и вольной жизни. Теперь их лица были задумчивы и суровы. Веселые искры в глазах погасли, сменившись тяжелым блеском. Золото Эдварда Блэквуда оказалось слишком ядовитым. Оно искушало, манило обещанием богатства без риска, но предательство вожака и гости были для их кодекса чести страшнее любых денег. Они смотрели на своего Роана и видели в нем не просто главаря, а защитника их общего дома. И они были готовы стоять за него до конца.

Но простая и честная жизнь Каролины с дочерью в этом тихом лесу закончилась в тот миг, когда все увидели эту листовку. В тени могучих дубов, где расположился разбойничий лагерь, назревала иная, тихая буря. Пока мужчины обсуждали планы и точили клинки, а Каролина учила Бетти плести венки из лесных цветов, за ней неотступно следил ненавидящий взгляд.

Её звали Элиан. Гибкая, как дикая кошка, с волосами цвета воронова крыла и глазами, в которых вечно плясали отблески костра. Она была в банде с самого начала, её меткость с луком была легендарной, а её дерзкие выходки не раз спасали отряд. Но главное — она была влюблена в Роана. Безнадежно, слепо. Она видела в нём не просто вожака, а единственного мужчину, достойного её любви. И она терпеливо ждала, когда он заметит её.

Только Роан начал смотреть на эту беглую аристократку с тем же восхищением, с которым раньше смотрел только

на удачный выстрел или дерзкий набег. Он учил её драться, смеялся над её неуклюжестью на первых порах и смотрел на неё так, как никогда не смотрел на Элиан. Это было предательством. Каролина была чужой здесь, она была из того мира, который они презирали. И она украла у неё единственное, что было ей так дорого.

В тот вечер, когда Роан ушёл проверить дальние посты, а лагерь затих, Элиан решилась. Она не стала устраивать сцен или бросать вызов сопернице. Она выбрала путь труса — путь предательства, который сулил ей всё.

Она выскользнула из лагеря так же бесшумно, как тень. У неё была цель — найти того, кто жаждал крови Каролины больше всего на свете. Эдвард Блэквуд. Она знала, что его ищейки рыщут по всем дорогам. Нужно было лишь дать им верную наводку.

Ей не пришлось долго искать. Блуждая по тайным тропам она вышла к постоялому двору. Там, в тёмном углу общего зала, за кружкой сидел человек в дорогом, но запylённом дорожном плаще. По описанию беглянки он был похож на того самого Блэквуда.

Элиан подошла к его столу и села напротив без приглашения.

— Я знаю, кто вы, — тихо сказала она, глядя ему прямо в глаза. — И я знаю, кого вы ищете.

Блэквуд медленно поднял голову. В его взгляде не было удивления, лишь хищный интерес. Он уже несколько раз на-

рывался на пустышку, после того, как листовки с портретом Каролины развесили повсюду. Ему приводили девушек, похожих, красивых, но это была не она. Большое вознаграждение делало своё дело.

— Продолжай. Или ты еще одна охотница за наградой. Если обманешь, я тебя не пощажу.

— Я из банды разбойников. Мы затаились в дальнем лесу. Каролина у нас. Она... околдовала нашего главаря. Он потерял голову и не выдаст её вам добровольно.

— Так ты по сути предательница? Почему ты идешь на эту сделку. Скажи правду, что не только из-за денег...

Элиан облизнула пересохшие губы.

— Пятьсот золотых — это щедро. Но я хочу больше. Я хочу быть уверенной, что она исчезнет навсегда и больше никогда не вернется к Роану. Я хочу получить эту награду и гарантию, что больше никогда не увижу ее рядом с моим мужчиной.

Блэквуд усмехнулся. Это была холодная, безжалостная улыбка победителя.

— Ты получишь своё золото и моё честное слово. Но как ты собираешься выманить её? Лес — её крепость. Там она под защитой, а разбойники — сильны и умело управляют оружием. Мне не противостоять им.

Элиан наклонилась ближе и заговорила шепотом. Она на всякий случай окинула взглядом зал и убедилась, что среди них нет ни одного знакомого лица.

— У меня есть план. Я скажу ей... что знаю место, где растут редкие целебные травы для её дочери. Бэтти часто кашляет по ночам от сырости. Каролина — мать. Она поверит мне и пойдёт со мной. Я приведу её на поляну к старой разрушенной мельнице на рассвете. Там вы сможете взять её без шума. Знаете то место, где раньше работал старик Уиллер с сыновьями?

Блэквуд кивнул.

Вернувшись в лагерь на следующий день, Элиан была сама доброта и участие. Она под села к Каролине у костра, где та штопала куртку Роана.

— Слышала я от одной старой знахарки... — начала она вкрадчиво, — недалеко отсюда есть поляна с удивительным вереском и мхом. Если сделать из них отвар для Бэтти, никакой кашель её больше не побеспокоит.

Каролина подняла на неё глаза.

— Ты... ты правда знаешь это место? — переспросила Каролина. Она так и продолжала быть доверчивой и наивной.

— Конечно, — Элиан улыбнулась своей самой искренней улыбкой. — Я могу проводить тебя туда завтра на рассвете. Это недалеко, но лучше пойти вдвоём и тихо, чтобы Роан не устроил из этого целый поход с охраной. Он слишком опекает тебя.

Каролина колебалась лишь мгновение.

— Да... да, ты права. Бэтти так плохо спала вчера... Она так долго кашляла. До этого мы жили в доме, у нее была соб-

ственная спальня. А здесь ветра, дождь, вот она и простудилась. Я сварила отвар из малиновых листьев и ромашки, но это не помогло, хотя она пила его целую неделю. Я обязательно пойду с тобой.

Элиан кивнула, скрывая торжествующий блеск в глазах.

В ту ночь Каролина спала беспокойно. Ей снились кошмары о погоне и злобном смехе Эдварда Блэквуда. Но мысль о том, что она сможет помочь дочери, придавала ей сил. На рассвете она тихо встала, поцеловала спящую Бетти в лоб и выскользнула из шалаша.

Каролина закуталась в плащ и направилась к северной опушке, где в утреннем тумане уже маячил силуэт Элиан с плетёной корзинкой в руках. Лес просыпался вокруг них. Две женщины шли навстречу своей судьбе: одна — спасая своего ребёнка от болезни, другая — спасая свою любовь от соперницы ценой предательства.

Поляна у старой мельницы была окутана густым, молочным туманом. Каролина плотнее запахнула плащ, следуя за стройной фигурой Элиан. Тишина леса давила на уши.

— Уже близко? — шепотом спросила Каролина, крепче сжимая в кармане маленький кинжал — тот самый, что подарил ей Роан для самообороны.

Элиан остановилась так резко, что Каролина едва не врезалась ей в спину. Предательница медленно обернулась, и её лицо больше не было дружелюбным. На нём играла торжествующая, змеиная улыбка.

— Мы пришли, миледи, — произнесла разбойница.

Из-за деревьев выступила тёмная фигура. Каролина вскрикнула от ужаса. Перед ней возник Эдвард Блэквуд. Он выглядел ещё более холёным и опасным, чем она помнила. Его дорогой камзол был застёгнут на все пуговицы, а тонкие губы искривились в самодовольной ухмылке. Он бросил в руку Элиан тугой мешочек, набитый монетами. Элиан молча спрятала добычу в карман и тут же быстро удалилась прочь.

Блэквуд довольно крикнул и приблизился к Каролине:

— Здравствуй, дорогая моя беглянка, — промурлыкал он, делая шаг навстречу. — Я знал, что твоя глупость и наивная простота рано или поздно приведёт тебя ко мне. Ты доставила мне немало хлопот.

Каролина почувствовала, как ледяной ужас сковывает сердце, но лишь на мгновение. В следующую секунду его сменила холодная ярость, которую так старательно возвращал в ней Роан. Она поняла всё: предательство Элиан, ловушку, свою наивность. Но она уже не та дрожащая жертва, какой была раньше.

Блэквуд протянул руку в кожаной перчатке.

— Иди сюда. Всё кончено. Мы возвращаемся домой.

Вместо того чтобы подчиниться, Каролина отшатнулась и выхватила клинок.

— Какая дерзость, — хмыкнул он. — Думаешь, эта зубочистка тебе поможет?

Он сделал быстрый выпад, пытаясь схватить её за за-

пьястве. Это была ошибка. Тело Каролины сработало быстрее разума. Уроки Роана превратились в инстинкт. Она ушла с линии атаки плавным движением, развернулась и, используя инерцию противника, приставила острие кинжала к его горлу. Лезвие пропороло кожу, и по воротнику Блэквуда поползла тонкая струйка крови.

Лицо Блэквуда исказилось от шока и бешенства, но он стоял неподвижно, боясь пошевелиться.

— Ещё один шаг, и я перережу тебе глотку! — воскликнула Каролина.

Она смотрела прямо в глаза своему мучителю. Страх окончательно покинул её, уступив место ледяному спокойствию.

— Ты... ты пожалеешь об этом, дрянь, — прошипел Блэквуд сквозь зубы, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

— Нет, это ты пожалеешь, Эдвард, — тихо, почти интимно произнесла она, чуть усилив нажим. Боль заставила его побледнеть. — Я помню всё. Помню каждый твой удар. Каждое твоё прикосновение, когда ты силой брал меня. Я помню, как ты унижал меня. Я скорее умру здесь, на этой сырой земле, чем вернусь к тебе.

Глаза Блэквуда сузились. Шок прошёл, уступая место холодной, расчётливой злобе. Он понял, что сломать её сейчас не получится. Но он умел ждать и мстить.

— Глупая женщина, — выдохнул он, и на его губах появи-

лась пугающая улыбка. — Я предлагаю тебе не просто возвращение. Я предлагаю тебе статус. Родовой особняк снова будет твоим. Я прощу этот позорный побег. Более того, я сделаю тебя своей женой. Подумай, от чего ты отказываешься.

Каролина рассмеялась ему в лицо. Горький, издевательский смех.

— Женой? Ты называешь этим словом то, что делал со мной по ночам? Ты бил меня, Эдвард. Бил до синяков, когда вино делало тебя особенно жестоким. А теперь ты думаешь, что я добровольно лягу с тобой в одну постель ради особняка? Ты безумен. Я выбираю свободу. Я выбираю жизнь в лесу с людьми, которые видят во мне человека, а не вещь.

Лицо лорда стало похоже на маску.

— Что ж, выбор сделан. Ты подписала себе приговор. И не только себе. Я найду эту вашу нору в лесу. Я выжгу её дотла вместе со всеми, кто там прячется. А твою дочь я заберу и отдам в такой пансион, где из неё выбьют всю дурь. Ты никогда её больше не увидишь. Живи с этим знанием, пока я не приду за вами.

С этими словами он резким движением оттолкнул её руку и сделал шаг назад, разрывая дистанцию.

— Сейчас я уйду, — бросил он, вытирая кровь с шеи шёлковым платком. Он последний раз посмотрел на Каролину, и взгляд его обещал бесконечные страдания. — Эта игра ещё не закончена. Я приведу сюда своих людей. Много, чтобы на-

всегда очистить этот лес. А тебя изловить и посадить в клетку. Ты все равно будешь моей.

Они растворился в тумане так же быстро, как и появился. Каролина стояла посреди опустевшей поляны, и лишь эхо угроз Блэквуда гуляло между стволов деревьев. Этот подлец не лгал. Эдвард Блэквуд обладал властью, деньгами и безграничной жестокостью. Если он узнает, где их логово... Он действительно сожжёт его дотла. Он убьёт Роана за то, что тот посмел приютить её. А Бэтти... от одной мысли о том, что этот монстр может коснуться её дочери, Каролину скручивало от ярости.

Она не могла этого допустить. Она не имела права подвергать опасности людей, которые проявили к ней доброту, и уж тем более — рисковать жизнью мужчины, который смотрел на неё с таким теплом. Роан был сильным, но против армии Блэквуда у разбойников не было шансов. Их свобода, их мирное существование под сенью леса — всё это будет уничтожено из-за неё.

Решение пришло мгновенно, принеся с собой невыносимую боль. Она должна уйти. Исчезнуть так, чтобы никто не смог её найти. Увести Бэтти как можно дальше отсюда, пока ищейки Блэквуда не взяли след. Это был единственный способ защитить тех, кто стал ей дорог.

Элиан же, оказалось, ждала её. Она все это время пряталась неподалёку, а сейчас решила снова показаться.

— Послушай, я виновата. Но ты и меня пойми тоже. Ты

пришла, заняла мое место в сердце Роана, — тихо сказала Элиан, глядя ей прямо в глаза. В её взгляде больше не было ни злобы, ни торжества. Только осознание содеянного. — И я знаю, что ты сделаешь. Ты уйдёшь. И ты ничего никому не расскажешь...

Каролина молча смотрела на неё, сжимая кулаки.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она наконец. Слова давались с трудом.

— Ненавидь, — кивнула Элиан. — Но возьми это. Тебе понадобятся деньги. Уходи, молю тебя. Не подвергай мою семью опасности.

Она протянула небольшой, но увесистый кожаный кошелек. Каролина колебалась секунду, но затем взяла его. Отказываться было бы глупо. Деньги означали шанс на выживание для них с дочерью.

— Хорошо, — согласилась она, — ты права. Мы должны исчезнуть.

Когда они вернулись в лагерь, уже начало смеркаться. Никто не задавал вопросов. Главное, что все были на месте и в безопасности.

Каролина дождалась, когда лагерь погрузится в сон. Собрать вещи было делом нескольких минут. Всё их имущество уместилось в один заплечный мешок. Каролина разбудила спящую Бэтти, одела её потеплее и крепко прижала к себе. Девочка сонно терла глаза, ничего не понимая.

Элиан вызвалась проводить их до края леса. Они шли в

полной тишине, нарушаемой лишь хрустом веток под ногами да тихим дыханием Бетти. Каролина несла дочь на руках, чувствуя тепло её тела через ткань плаща. Каждый шаг прочь от лагеря отдавался болью в сердце. Ей хотелось обернуться, увидеть в последний раз огни костров.

Но она заставляла себя идти вперед.

Наконец, деревья начали редеть. Впереди показалась просека, а за ней — широкая наезженная дорога, ведущая к городу Астори.

— Здесь мы расстанемся, — глухо произнесла Элиан, останавливаясь на границе света и тени. — Астори там. Держись главной дороги, к утру будешь у ворот.

Каролина поставила Бэтти на землю и посмотрела на предательницу долгим взглядом. Она видела перед собой женщину, которая разрушила её спокойствие из-за ревности. Но она также видела ту, что помогла им сейчас.

— Спасибо за деньги, — сухо сказала Каролина. — Надеюсь, твоё предательство принесет тебе то, чего ты хочешь.

— Прощай, — ответила Элиан. Она развернулась и быстро зашагала обратно в чащу, растворяясь во тьме.

Каролина поправила лямки мешка на плечах, взяла дочь за руку и сделала первый шаг на дорогу. Перед ними лежал долгий путь. Там, в том городе, жил брат Каролины Виктор, которого она не видела много лет. Она надеялась, что время смягчило его обиду и он примет сестру с племянницей. Это была их последняя надежда.

Глава 4

Утро ворвалось в сумрачный лес не пением птиц и робкими лучами солнца, а суматохой, способной разбудить даже мертвого. В лагере разбойников, где обычно царили хохот да звон оружия, назревало что-то страшное. Воздух, густой от запаха сырой земли и дыма догоревшего костра, теперь был пропитан тревогой и едким напряжением. Главарь Роан, чьи плечи, казалось, ссутулились под тяжестью ночных дум, по своему обыкновению обходил шалаши, проверяя дозорных. Но сегодня его привычный маршрут оборвался неприятным событием: Каролина — прекрасная беглянка с глазами цвета грозового неба — вместе со своей маленькой дочерью и всеми нехитрыми пожитками исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.